

И
С. Я. ШТРАЙХ

И В А Н И В А Н О В И Ч
П У Щ И Н

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1 9 2 7

МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это человек, обладающий многими прекрасными качествами...

Декабрист В. П. Ивашев.

Основная цель этого издания — выявление личности одного из лучших представителей пушкинской эпохи в ее интеллектуальном и политическом развитии. Товарищ Пушкина по лицу, наиболее выдержанный и цельный представитель либерального крыла русской общественности первой четверти XIX века, Иван Иванович Пущин полнее и ярче многих других отразил в своей личности то характерное и типичное, что определяло среду, нарастившую нашего великого поэта.

Важнейшее в этой книге — записки Пущина о Пушкине. Ценные сами по себе, как прекрасный образчик мемуарной литературы, в котором совершенно отсутствует авторское тщеславие, а личность пишущего, помимо его стремлений, вырисовывается в неотразимой привлекательности, — записки эти — общепризнанный крупный вклад в литературу о Пушкине. Тонем своего писания и манерой изложения Пущин выпукло и ясно изображает обстановку, в которой рос Пушкин и развивался его гений. Вместе с автором читатель переживает те дни, когда в садах лицея безмятежно расцветала юность великого поэта. Исторически верно и художественно правдиво изображается в этих записках атмосфера знаменитого учебного заведения, в котором воспитался Пушкин, в котором складывались его политические взгляды, в котором вырос сам Пущин — героически-самоотверженный и рыцарски-честный представитель русской интеллигенции.

А. И. Герцен по поводу записок Пущина воскликнул: «Что за гиганты были эти люди 14 декабря, что за талантливые натуры!» Эта характеристика оправдывается письмами Пущина, составляющими второй отдел книги. Письма эти ярко освещают прекрасный нравственный облик русского идеалиста 20-х годов XIX века, а тонкий юмор и изящный стиль автора подтверждают мнение Пушкина о большом литературном таланте его лицейского товарища. В предшествующем издании моей работы, выпущенном к столетию заговора декабристов, были собраны все прежде опубликованные письма Пущина и многочисленные письма, извлеченные из доступных мне тогда госу-

дарственных и частных хранилищ. Некоторые письма были даны в книге в полном виде, другие—в извлечениях, имеющих общественное или историческое значение; часть писем, по тем или другим причинам, так и дошла до нас в отрывках. С того времени появилось в печати много новых писем Пуштина. К ним присоединена серия неизданных писем, извлеченных мною из архива семьи декабриста И. Д. Якушкина.

Для полной обрисовки портретически-нежной личности Пуштина следовало бы напечатать полностью все письма. Но их набралось теперь свыше двухсот, и один только текст писем составил бы объемистый том. Условия места и времени не позволяют сделать это. К тому же сам Пушин неоднократно говорит о многочисленных повторениях и неизбежных мелочах, встречающихся в его письмах вследствие того, что он одновременно писал разным адресатам об одном и том же. Пришлось снова сделать отбор и привести здесь—полностью или в извлечениях—только ту часть писем Пуштина, которая дает материал для истории литературных и политических отношений эпохи, для обрисовки взаимоотношений Пуштина и Пушкина, для психологической характеристики автора, для биографии отдельных декабристов и для истории их пребывания в каторге и ссылке, для истории декабризма в целом. В этом отношении много дают публикуемые здесь новые письма Пуштина.

Так составила книга, которая своим основным содержанием, по определению одного из лучших знатоков Пушкина и его окружения—Н. О. Лернера (в его рецензии на предшествующее издание моей работы)—дает ключ к пониманию основного тона эпохи. Во вступительном очерке сгруппированы материалы для характеристики Пуштина, дополняющие изысканные черты его, вырисовывающиеся в его собственных произведениях,—материалы, необходимые в таком издании вследствие чрезмерной скромности Пуштина и скупости его на автобиографические подробности. В примечаниях к тексту даны необходимые историко-литературные пояснения.

Наиболее ценным в настоящем издании моей работы—возможностью включить в него новые письма Пуштина и неизвестный в печати портрет его—я обязан Евгению Евгеньевичу Якушкину—ему особая признательность. Многие оказывали мне содействие в работе. Особенно дороги для меня советы и указания Б. Л. Модзалевского, С. И. Мицкевича, Н. К. Пиксанова, Н. М. Ченцова, моей жены Надежды Владимировны и всех рецензентов на предшествующее издание книги. Всем им сердечная благодарность.

С. Штрайх

Москва, 1927 г.

ИВАН ИВАНОВИЧ ПУШИН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1. ПУШИН и ПУШКИН

Роковая пуля встретила бы мою грудь, я бы нашел средство сохранить поэта-товарища.

Пушин о Пушкине.

От самого начала своей сознательной жизни до конца ее, от первых лет учения до могилы, пронес великий поэт нежную любовь к Ивану Ивановичу Пушину, который так же верно и горячо был предан своему лицейскому товарищу. Связанные тесной дружбой с первого же дня вступления в Царскосельский лицей, в котором они целых шесть лет безвыездно прожили почти в одной комнате, значительно различавшиеся характерами, Пушин и Пушкин взаимно влияли друг на друга и воздействовали один на другого лучшими сторонами своих личных свойств, укрепляя под этим взаимным влиянием свои природные дарования. По выходе из лицея друзья разошлись в разные стороны, но выращенная в отроческие годы любовь продолжала благоуханно цвести в их сердцах, и каждому из них пришлось быть впоследствии, в разное время, ангелом-утешителем другого в тяжкую пору невзгод и лишений. Разобщенные, идущие разными путями к своим жизненным целям, Пушкин и Пушин черпали силу и вдохновение из глубины своих чистых и светлых сердец, в которых прочное место занимала их лицейская дружба.

Зародилась она в августе 1811 года, в огромной зале дворца министра народного просвещения А. К. Разумовского, куда были свезены малолетние сыновья лучших дворянских фамилий того времени для определения в новое учебное заведение—императорский Царскосельский лицей. В первый же день знакомства мальчики подружились и в свободное до начала лицейских занятий время много раз сходились в доме Василия Львовича Пушкина.

Но в особенно благоприятные условия развития их дружба была поставлена, когда, по переезде в Царское Село, Пушин и Пушкин были поселены в смежных комнатах, разделявшихся тонкой перегородкой, не препятствовавшей им переговариваться даже шепотом. В долгие зимние ночи мальчики, лежа в своих комнатах, поверяли друг другу свои тайны, сомнения и надежды.

И все более и более укреплялась их дружба, все глубже и серьезнее проникала в их нежные, богато одаренные души взаимная любовь.

Настало 19 октября 1811 года, когда Куницын возжег в сердцах обоих друзей «чистую лампаду», красиво разгоревшуюся в груди Пушкина божественным огнем пророческого вдохновения и ярким пламенем свободолюбия вспыхнувшую в груди Пушкина, воспитав из него борца, воодушевленного самоотверженной любовью к народу-страдальцу. Пушкин в своих записках подробно описывает этот день в его историческом и бытовом значении. Миновал торжественный день открытия лицея, сильнее, чем у всех других, принятых в него, запечатлевшийся в памяти Пушкина и Пушкина. Наступили будни пансионской жизни.

Резкий характер Пушкина мешал ему сразу сойтись с другими товарищами, которые несколько чуждались вспыльчивого, раздражительного, мечтательного мальчика. На первых порах Пушкин был почти единственным товарищем его детских игр и шалостей, единственным поверенным его вольнолюбивых, не укладывавшихся в рамки лицейского распорядка стремлений. Не обходилось, конечно, между мальчиками без размолвок, но они лишь сильнее укрепляли их дружбу, как свидетельствует сам поэт в лицейской пьесе «Пирующие студенты», посвященной Пушкину. В своих воспоминаниях Пушкин подробно описывает историю происхождения этого стихотворения и обстановку, в которой оно было прочитано Пушкиным в 1814 году.

Как и другие лицеисты, Пушкин, конечно, не мог избежать влияния крупного, уже тогда проявлявшегося, литературного таланта Пушкина; несомненно, он также участвовал в школьных журналах лицеистов первого курса. Профессор К. Я. Грот, изучивший эти журналы, полагает, что заметки о попытке В. К. Кюхельбекера утопиться и об истории с гогель-могелем написаны Пушкиным. И, действительно, рассказ про историю с гогель-могелем изложен в записках Пушкина почти в тех же выражениях, что и в лицейском журнале. В лицейские же годы И. И. Пушкин напечатал в «Вестнике Европы» два прозаических отрывка, причем один из них в сотрудничестве с Пушкиным. В названном журнале напечатана переведенная Пушкиным статья Лагарпа «Об эпиграмме и надписи у древних». Эпиграммы, взятые Лагарпом для иллюстрации своих положений, приведены Пушкиным в переводах И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшкова и др. русских поэтов, а некоторые специально переведены для его статьи лицейскими поэтами А. Д. Илличевским и А. С. Пушкиным. Текст эпиграммы, переведенной Пушкиным (Венере от Лайсы), включается всеми издателями в собрание его сочинений. Так взаимно влияли товарищи-лицеисты друг на друга, выступив одновременно в печати.

Другое печатное выступление Пушкина — переводный отрывок с немецкого, из сочинения Лафатера «О путешествниках».

Эта обширная статья — в 20 печатных страниц — подобно первой (в пять страниц), переведена довольно литературно и гладко.

Не установлено, были ли еще другие школьно-литературные выступления Пушкина, но его литературный вкус развивался, несомненно, в одном направлении с пушкинским. Он сам в своих записках свидетельствует, что влиял на Пушкина в смысле выбора тем, и есть ряд доказательств влияния Пушкина на критические взгляды Пушкина. Таковы, например, те места писем Пушкина к Е. А. Энгельгардту и его записок, где он говорит о поэзии В. К. Кюхельбекера: «У него все пахнет, — пишет Пушкин Кюхельбекеру, — каким-то неестественным расстроенным воображением; все неловко, как он сам, а охота еще неволи, и говорит, что наше общество должно гордиться таким поэтом, как он... Сравнивает себя даже с Байроном и Гете». Любопытен также его отзыв о «Тарантасе» В. А. Соллогуба, отзыв о сибирском писателе Слоцове, слог которого «тяжел, изложение странное», в котором «трудолюбия было много, но мало даровитости».

О литературных интересах Пушкина свидетельствует и то, что И. И. Тургенев, затеяв в 1818 году «независимо от тайного общества» политический журнал, к «соучастию» в котором он приглашал «членов и не членов общества, известных русских литераторов», предлагал Пушкину сотрудничество в нем. Пушкин должен был для этого издания написать статью о книге г-жи Сталь «*Considérations sur la révolution française*». Любопытен самый выбор темы. В Сибири Пушкин много занимался переводами, о чем говорится в печатаемых ниже письмах его. Сам Пушкин заявлял, что Пушкин обладал большим литературным талантом.

О совместных лицейских шалостях Пушкина и Пушкина, об их лицейской дружбе говорится подробно в записках Пушкина. Отличие его взаимоотношений с Пушкиным от взаимоотношений поэта с другими лицеистами объясняется особенностями характера Пушкина, сумевшего лучше других товарищей понять душу Пушкина. Редкая сердечная доброта Пушкина, тонкая наблюдательность и критическое чутье помогли ему взглянуть на Пушкина «с тем полным благорасположением, которое знает и видит все первостности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончается тем, что полюбит даже и их в друге-товарище». Поэтому-то он и полюбил Пушкина «настоящим образом». Говоря о нарастании и закреплении их исключительной дружбы, Пушкин объясняет это тем, что он чаще других имел возможность интимно беседовать с товарищем-поэтом о всех их повседневных переживаниях, о тревогах и волнениях их юношеских лет: «Я, как сосед, — с другой стороны его номера была глухая стена, — часто, когда все уже засыпало, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало».

П. В. Анненкову Пушкин рассказывал, что содержание их ночных бесед с Пушкиным состояло «из жалоб Пушкина на себя и на других, скорбных признаний, раскаяния и, наконец, из обсуждения планов, как поправить свое положение между товарищами или избежать следствия ложного шага и необдуманного поступка». Пушкин был первым из товарищей, отозвавшихся, как он выражается, на привязанность Пушкина к лицейскому кружку, и Пушкин умел ценить эту отзывчивость. Пушкину же посвящен целый ряд стихотворений его гениального друга.

Здесь и «Воспоминание» (1815 г.), где поэт говорит, обращаясь к Пушкину: «Помнишь ли, мой брат по чаше, как в отрадной тишине мы топили горе наше в чистом пенястом вине»; здесь и «19 октября» (1825 г.), где в первоначальной редакции знаменитого «Роняет лес багряный свой убор» поэт вспоминает их детские годы: «мы вспомнили, как Вакху приносили безмолвную мы жертву в первый раз, как мы впервой все трое полюбили, наперсники, товарищи проказ...» Любовь эта была чистой юношеская любовь Пушкина, Пушкина и И. В. Малиновского (или А. Д. Илличевского — по другим указаниям) к сестре их лицейского товарища Е. П. Бакуниной, которая жила с матерью в Царском Селе до 1816 года. О ней Пушкин вспоминает в одном из своих писем по возвращении из Сибири.

О студенческих пирушках и вообще о тесных товарищеских отношениях Пушкина и Пушкина говорится в стихотворении 1815 года «К Пушкину», напечатанном тогда же в «Российском Музеуме». В нем — отклик задушевности их тесной дружбы; оно интересно и для личной характеристики Пушкина: «Доблестный имянинник, о Пушкин дорогой, приобрел к тебе пустынный с открытою душой... Ты счастлив, друг сердечный: в спокойствии златом течет твой век беспечный, проходит день за днем, и ты в беседе Граций, не зная черных бед, жавешь, как жил Горадий, хотя и не поэт...»

Не только в совместных пирушках проявлялась дружба наших лицейстов, не только в умелом пользовании пуншевой чашей выразилась общность их стремлений. «Мы с ним (Пушкиным) постоянно были в дружбе, — говорит Пушкин в своих записках, — хотя в иных случаях смотрели на людей и вещи разное; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их сгармонизировать и оставались в постоянном согласии». Пушкин в стихотворении «В альбом И. И. Пушкину» (в 1817 г.) говорит о том же: «Ты вспомни быстрые минуты первых дней, неволю мирную, шесть лет соединенья, печали, радости, мечты души твоей, размолвки дружества и сладость примиренья, что было и не будет вновь...»

Пушкин словно предчувствовал, кончая курс лицей, при прощании с первым и бесценным своим другом, что «грозная судьба» разбросает их далеко друг от друга, и подчеркивает в

этом стихотворении вечность их товарищеского союза. То же он повторяет в «19 октября» 1825 года.

★

Совсем, казалось, разошлись пути друзей по окончании лицей в 1817 году. Пушкин уехал в деревню к родным. Пушкин, больной, остался лежать в лазарете лицей, а по выздоровлении поступил в гвардейскую конную артиллерию. Через несколько лет он переехал в Москву на должность надворного судьи, побыв недолго в такой же должности в Петербурге. Один пошел по пути общественно-политического служения, другой стал петь гимны солнцу и любви. Но в далеких, на первый взгляд, направлениях деятельности обоих друзей было много общего. Еще в лицее Пушкин интересовался вопросами политическими и социальными, а в год окончания лицейского курса он был принят полковником И. Г. Бурцовым в тайное общество. Вместе с ним был принят в общество другой лицеист — Вл. Дм. Вольховский — лицейский Суворочка. «Бурцов нашел, — пишет Пушкин, — что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из лицей, я готов для дела».

Вступил Пушкин в тайное общество для борьбы за освобождение родного народа от рабства физического и духовного. Вспомнив лицейские беседы с Пушкиным, он по вступлении в тайное общество хотел посвятить в это дело товарища-поэта: «Он (Пушкин) всегда согласно со мною мыслил о деле общем — res publica — по-своему проповедывал в нашем смысле — и изустно и письменю, стихами и прозою». Пушкин был настолько уверен в том, что Пушкин не только сочувственно относился к идеям общества, но способен также отдать борьбу за их осуществление, что не сомневался в присоединении поэта к движению, если бы тот узнал о существовании заговора.

Скоро Пушкин приехал в столицу и, конечно, увиделся с первым своим другом, а немного спустя он заболел, и Пушкин почти ежедневно навещал его. В долгих дружеских беседах они затрагивали волновавшие их в лицейские годы вопросы, и Пушкин, подозревавший что-то особенное, просил посвятить его в тайну общества. Но к этому времени Пушкин уже решил не привлекать своего лицейского товарища к активной деятельности: «Я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели...»

Вопрос об отношении к Пушкину членов тайного общества обсуждался главарями заговора. Как свидетельствует член Общества соединенных славян И. И. Горбачевский, будущим декабристам было прямо запрещено посвящать Пушкина в дела общества из опасения, что поэт может проговориться в кругу своих светских и придворных знакомых и таким образом выдать тайну общества

правительству. Это подтверждает и член Северного общества М. А. Бестужев, у которого находим любопытный рассказ об отношении главарей общества к исключительным по дружбе взаимоотношениям их сочлена Пушкина и столь легкомысленного в их глазах Пушкина. Зная нежную любовь Пушкина к его другу-поэту, руководители заговора стеснялись прямо сказать Пушкину о запрете делиться сведениями о заговоре с Пушкиным, представляя это дело природному такту Пушкина. Как видно из записок последнего, он и сам не хотел, — правда, по причинам другого порядка, — посвящать своего лицейского товарища в дела общества.

Пушкин понимал, что Пушкину предназначено иными путями действовать, как нельзя лучше, «для благой цели». Когда же Пушкин в сознании своего революционного долга перешел из военной службы в гражданскую, заняв должность надворного судьи, шокировавшую его светских друзей и знакомых, Пушкин по достоинству оценил побуждения своего лицейского товарища. В первоначальной редакции «19 октября» 1825 года он говорит, обращаясь к Пушкину: «И все прошло — проказы, заблужденья... Ты, освятив тобой избранный сан, ему в очах общественного мнения завоевал почтение граждан...» В рукописи вторая, подчеркнутая строка этой строфы читалась так: «смирен, суров тобой избранный сан». Но Пушкин хотел выдвинуть на первое место не должность Пушкина, которую он также ценил, а высокие нравственные качества его друга.

★

Шло время по окончании лицей. Друзья виделись редко. Пока Пушкин служил в Петербурге, Пушкин был на юге и на Кавказе. Письма Пушкина, не дошедшие до нас, были отрадой поэту. В конце 1823 года Пушкин писал А. А. Дельвигу: «Вчера повеяло мне жизнью лицейскою; слава и благодарение за то тебе и моему Пушкину». Потом Пушкин переехал в Москву, а Пушкин был сослан в Михайловское. Ближайшие друзья и даже родные, если не отшатнулись от поэта, то остерегались иметь непосредственные сношения с ним, боясь репрессий со стороны правительства. Пушкин изнывал в Михайловском от «бешеной скуки», мучительность которой усугублялась назойливым надзором настоятеля Святогорского монастыря, имевшего поручение заботиться об исправлении поэта-атеиста.

Когда в Москве в конце 1824 года стало известно, что Пушкин из Одессы сослан в деревню отца, сердце Пушкина болезненно забилось. Немедленно Пушкин решил навестить товарища, и, вопреки запрещению начальства, он свою мысль осуществил. Выхлопотав себе отпуск для поездки в Петербург к родителям, Пушкин испросил также разрешение на поездку к сестре в Псков, куда его влекло и чувство любви к О. П. Пальчиковой. От Пскова уже рукой было подать в с. Михайловское,

и никакие запреты не могли удержать Пушкина от поездки к опальному другу. Ни запреты, ни предостережения общих знакомых.

Сам Пушкин рассказывает, что перед отъездом из Москвы, на вечере у князя Голицына, он встретился с А. И. Тургеневым. «Я подсел к нему и спрашиваю, не имеет ли он каких-либо поручений к Пушкину, потому что я в январе буду у него». — Как, вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — полиции и духовным? — «Все это знаю, но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении». — Не советовал бы; впрочем, делайте, как знаете, — сказал Тургенев. Почти те же предостережения Пушкин выслушал от В. Л. Пушкина, которому сказал, что увидит его племянника.

Не зная еще, что Пушкин собирается к нему, но осведомившись о его пребывании в Питере, Пушкин, в письме к брату, предлагал последнему заехать к Пушкину и передать ему привет.

Побыл Пушкин у родных и поехал к Пушкину. Поэту передалось волнение друга, приближавшегося 11 января 1825 года к селу Михайловскому, и в неоконченном отрывке, помеченном этим числом, он писал: «Стрекогунья белобока, под калиткою моей скачет пестрая сорока и пророчит мне гостей...»

Велика была радость друзей при этом свидании. Пушкин в своих записках оставил красноречивое, обаянное нежной любовью описание этого дня. Страницы записок Пушкина, посвященные январскому свиданию его с Пушкиным, — самые нежные, задушевные страницы в обширной литературе, посвященной поэту. Увидев в окне Пушкина, Пушкин, босиком, с поднятыми руками. Не менее был взволнован и гость. Через 30 лет воспоминание об этом свидании вызывало у него слезы.

Пошли нескончаемые разговоры. Пушкин жадно слушал друга, выспрашивал его, сумел вырвать у него признание в существовании тайного общества. Но о подробностях Пушкин умолчал, переменив тему разговора. Говорили много о лицейской жизни. Отклик политических бесед в селе Михайловском — в пометке Пушкина на письме к Пушкину от 12 марта 1825 года, единомыслие видно в словах: «знаменательный день», относившихся к восшествию Александра I на престол после убийства 11 марта 1801 года его отца.

Приезд Пушкина оживил поэта, лицейский товарищ явился непосредственно от московских и петербургских друзей его, свизал его с миром, от которого Пушкин был насильственно отторгнут и по которому сильно тосковал. Даже брат Лев Сергеевич опасался приехать к нему на свидание в Михайловское, и Пушкин около этого времени с горечью писал ему: «Твой опасения насчет приезда ко мне вовсе несправедливы: я не в Шлиссельбурге, а при физической возможности свидания лишить одного двух братьев была бы жестокость без цели...»

Пушкин привез поэту литературную новинку, — рукопись «Горе от ума», письма А. А. Бестужева, К. Ф. Рыльева, новые книги. Было о чем поговорить и кроме политики. Но она все-таки врывается в беседы друзей, в виде ли письма Рыльева, который напоминал Пушкину, что он живет близ Пскова, где «задушены последние вспышки русской свободы», и побуждал его написать поэму об этом «крае вдохновения», в виде ли горячих речей Пушкина, который в ту пору был в центре заговора, как один из директоров Северного общества, глава московского его отделения.

Гость пристально приглядывался к Пушкину и нашел его «несколько серьезнее прежнего». Поэт читал товарищу новые свои произведения, продиктовал ему для «Полярной звезды» начало «Цыган» и просил благодарить Рыльева за его патристические «Думы». Весь день провели друзья вместе. При прощании им стало обоим очень тяжело и грустно: «Как будто чувствовалось, — пишет Пушкин, — что последний раз вместе пьем и пьем на вечную разлуку. Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани...»

Оживив своим приездом в Михайловское связь Пушкина с внешним миром, Пушкин по возвращении в Петербург и Москву своими рассказами о товарище освежил интерес общества к поэту-изгнаннику. Пушкин дал товарищу ряд поручений к столичным друзьям частного и общелитературного характера.

Долго было памятно поэту посещение Пушкина. В «19 октября» 1825 г. Пушкин посвятил этому событию и теперь волнующие читателя строки:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада.
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О, Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

После отъезда Пушкина поэт виделся с А. М. Горчаковым и А. А. Дельвигом. Когда Пушкин был арестован по делу о декабрьском восстании, Пушкин еще раз вспомнил приезд лицейского товарища в Михайловское и посвятил ему стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный». В записках Пушкин говорит о своей радости при получении в Чите в начале 1828 года, через А. Г. Муравьеву, этого стихотворения Пушкина. Сердце поэта болело за участь всех привлеченных к делу 14 декабря, но больше всего страдал он при мысли о Пушкине. В феврале 1826 года Пушкин писал Дельвигу: «...Но что Ив. Пушкин? Мне сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь их должна решиться, сердце не на месте, но крепко надеюсь на милость царскую...»

Не только значение нравственной поддержки имел для Пушкина приезд его лицейского товарища. Как всегда, гражданский пафос «рыцаря правды» — так называл Пушкина декабрист С. Г. Волконский — повлиял на творчество поэта, и первое произведение Пушкина после отъезда Пушкина из Михайловского о:разило содержание их бесед 11 января 1825 года. Несомненно под влиянием этих бесед Пушкин написал пьесу «Андрей Шенье», которой он сам придавал значение предсказания. В первой половине декабря 1825 года он писал П. А. Плетневу: «Душа! Я пророк, ей богу, пророк. Я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя от. и Сы». — В середине лета он по тому же поводу писал П. А. Вяземскому: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди об нем, как иезуит — по намерению».

Отклик бесед с Пушиным слышен в словах Шенье, в них же удивительное предвиденье поэта о поведении декабристов, особенно его друга, в следственной комиссии:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу,
И самовластия бестрепетный ответ.

Душевное стремление Пушкина высказалось в стихах, в которых он желает успеха движению, в числе руководителей которого был его лицейский товарищ. Поэту кажется, что он и сам примет участие в восстании:

Я зрел, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И — пламенный трибун — предрек, восторга полный,
Перерождение земли...
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: «блаженство»...

Политические верования Пушкина те же, что и у Пушкина. Оба они воспитались в этом отношении у Куницына, который учил царскосельских лицейстов любить и уважать свободу. Поэт высказал свои политические убеждения устами Шенье:

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нет, не виновна ты:
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
Сокрылась ты от нас. Целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщением и славой...
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им...

Много свидетельств влияния Пушкина на политическое мировоззрение Пушкина имеется в литературе. Интересно примечание П. А. Вяземского к записке о Пушкине М. А. Корфа, где этот

черствый бюрократ и благонамеренный служака ставит своему лицейскому товарищу в упрек, что в то время, как «после классных часов прочие бывали или у директора или в других смежных домах,—Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами (гусарами) нараспашку». Вяземский в выноске пишет: «В гусарском полку Пушкин не пировал только нараспашку, но сблизился и с Чаадаевым... А дружба его с Пушиным?»

★

Провал декабрьского движения болью отозвался в сердце Пушкина. Выше приведен отрывок из его февральского письма к А. А. Дельвигу с сокрушением о судьбе друзей, участвовавших в движении. В августе 1826 года он писал П. А. Вяземскому: «Еще так я надеюсь на коронацию. Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей—ужасна».

Упоминалось выше стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный», написанное Пушкиным во время заточения Пушина в Шлиссельбургской крепости. Утешая друга в его несчастье, Пушкин вспомнил о той великой радости, которую доставил ему приезд Пушина в село Михайловское:

Забитый кров, шалаш опальный
Ты с утешеньем посетил,
Ты день отрадный и печальный
С изгнанным другом разделил.

Так оба они облегчали друг другу тяготы душевные и оба считали такие дни лучшими в жизни. «Преисполненный глубокой, живительной благодарности» к Пушкину за отрадный отклик на его беду, Пушин только жалел, что «не мог обнять» Пушкина, как поэт обнимал его при его посещении Михайловского в январе 1825 года.

Пушин был в Сибири, на каторге, за много тысяч верст от Москвы, где Пушкин упивался успехами творчества, где его на руках носили почитатели таланта, но страждущего друга своего и остальных борцов за свободу поэт не забывал. В стихотворении «Арнон» — отражение чувств поэта к сосланным заговорщикам:

Нас было много на челне;
Иные парус напругали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине,
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...

Декабристов-товарищей утешал он, посылая им следующие стихи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье;
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Возбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Печально было лицейстам-первокурсникам собираться 19 октября 1827 года без товарищей-декабристов, без Пушина и Кюхельбекера. Пушкину было это особенно чувствительно: он любил обоих нежно и трогательно. Поэт посвятил друзьям-мученикам свой лучший дар — стихотворение на день лицейской годовщины: «Бог помочь вам, друзья мои...»

Пушкину памяты и дороги были побуждения руководителей декабрьского восстания, он с грустью наблюдал отношение к декабристам тех представителей общества, которые пристрастно несправедливыми отзывами о заговорщиках старались снять с себя подозрение в сочувствии мятежу. И сосланным было легче от сознания, что сердце поэта с ними. Они в Сибири радовались развитию его творчества. Пушин пишет по поводу доставленных ему разными путями посланий Пушкина: «В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет...»

Пушин вел в Сибири подневольную жизнь каторжника, отверженного законом, гонимого по этапам, из тюрьмы в тюрьму. Пушкин пользовался привилегиями невольника общественных правил и требований житейской морали. Погиб поэт, невольник чести пал, оклеветанный молвой, и в смертный час свой вспомнил лицейского товарища-друга. В последние, отравленные мгновенья жизни он говорил окружающим: «Как жаль, что нет здесь Пушина, мне бы легче было умирать». Ссылный Пушин, узнав о смерти друга, был потрясен. Позднее он писал Малиновскому: «Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история... роковая пуля встретила бы мою грудь: и бы нашел средство сохранив поэта-товарища, достояние России...»

И много лет спустя, вернувшись измученный 30-летними нравственными пытками на родину, Пушин отдал долг дружбе, связывавшей его с поэтом. Пушкин обессмертил своего товарища-гражданина целой серией стихотворений, Пушин увеко-

вечил в памяти потомства своего друга-лицейста, нежными, любовными красками нарисовав в своих записках портрет юноши-поэта, чью душу он хорошо понимал и которого умел ценить безотносительно к оттенкам их политических верований и к различию их общественной деятельности.

Заботился он также о сохранении для потомства всего написанного Пушкиным. В музее Революции в Москве я нашел неизвестное до сего времени письмо дочери К. Ф. Рылеева, А. К. Пушиной, в ответ на запрос И. И. Пущина о том, нет ли у нее писем Пушкина к ее отцу. Оно очень интересно для характеристики Пущина: «Милостивый государь Иван Иванович, — пишет ему дочь Рылеева от 3 ноября 1858 года из Тулы. — Приятнейшее письмо Ваше я получила 29 октября. Как и чем выразить Вам мою благодарность за Ваши заботы и попечения обо мне?.. Вы думаете, чтобы я могла усумниться, не получая долго известия; никогда я не сомневалась в Вас, узнав Вашу прекрасную душу, но я несколько беспокоилась о здоровье Вашем, и теперь боюсь, чтобы это движение и сырость петербургского климата не имели бы влияния на Ваше здоровье. Чувствительно благодарю Вас за проект письма к министру [судя по остальному, речь идет об издании сочинений Рылеева]... Молю бога, чтобы он осуществил наши пожелания; касательно рукописи и портрета я совершенно покойна, потому что они в Ваших руках. Вы можете их держать сколько Вам угодно. Писем Пушкина к моему отцу здесь нет, впрочем я знаю, что некоторые бумаги остались в Воронежской губернии, напишу к сестре, чтобы она мне прислала их...»

2. ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ПУЩИНА

Пущин благороден, рассудителен,
чувствителен с мужеством.

Отзыв наставников.

Иван Иванович Пущин происходил из родовитой дворянской фамилии. Дед его был известный адмирал екатерининского времени, Петр Иванович Пущин; отец — генерал-лейтенант, генерал-интендант, сенатор Иван Петрович Пущин был женат на Александре Михайловне Рябининой (родился около 1755 года, умер 7 октября 1842 года; жена умерла в 1840 году). Детей у Пушиных было много. Было шесть сыновей: из них — Иван — декабрист, родился 4 мая 1798 года, умер 3 апреля 1859 года, был женат с 1857 года на Нат. Дм. Фовизиной, рожд. Апухтиной (род. 1805 г., ум. в 1869 г.); детей у них не было; сын и дочь Ив. Ив. Пущина родились в Сибири в ссылке, их матери неизвестны; и Михаил — декабрист, родился в 1800 году, умер 25 мая 1869 года. Было также у Пушиных шесть дочерей.

О воспитании И. И. Пущина в доме родителей находим краткие известия в записках его брата, М. И., у которого «из воспоминаний детства более всего внедрились в память серьезность отца, помешательство матеря, начальство старших сестер, отсутствие всякого присмотра со стороны гувернеров Трините, Вранкена, Троппе и др., баловство старшей, любимой няни Авдотьи Степановны и при ней дружба с горничными». «Не смотря, однакоже, на такую обстановку, — говорит М. И. Пущин, — научное наше воспитание шло довольно успешно». Материальные средства Пущина-отца были сравнительно скромны, и дети его постоянно нуждались в деньгах. К. Ф. Рылеев, в письме к жене из крепости от 20 апреля 1826 года, напоминает ей о долге И. И. Пущина в 1500 рублей, которые он дал ему, как другу, и просит жену не делать шагов к получению денег от родных И. И., а ждать, пока они сами отдадут.

★

Пущин подробно и обстоятельно рассказал в своих записках, как дед отвез его 12 августа 1811 года к министру народного просвещения А. К. Разумовскому, как его зачислили в лицей, а также о первых днях пребывания там. В лицейских ведомостях, в списке кандидатов для приема в лицей, сказано, что на экзаменах И. И. Пущин выказал следующие познания: «в грамматике русского языка — хорошо, французского — изрядно, немецкого — читает, в познании общих свойств тел, в основных началах географии и истории — хорошо».

Условия жизни лицейсгов в Царском Селе хорошо описаны Пущиным в его записках. Кроме того, что рассказано там, известно, что он принимал участие в лицейских спектаклях.

Жизнь лицейсгов в Царском Селе вообще была вольная. А. Д. Иличевский писал в 1814 году П. Н. Фуссу, своему гимназическому товарищу до лицей: «У нас, по крайней мере, царствует, с одной стороны, свобода (а свобода дело золотое). Летом досуг проводим на прогулке, зимой — в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся». В выборе книг для чтения лицейсты были вполне свободны. Иличевский пишет об этом: «Чтение питает душу, образует, развивает способности; по сей причине мы стараемся иметь все журналы и впрямь получаем: «Пантеон», «Вестник Европы», «Русский Вестник» и пр.». Даже М. А. Корф, в своих воспоминаниях отнесшийся отрицательно к лицейскому воспитанию, признавал, что лицейсты учились много «в чтении и беседе, при беспрестанном трении умов». О литературных занятиях Пущина в лицейские годы сказано выше.

Счастливым характер Пущина, необыкновенная доброта его, постоянное стремление так или иначе помочь каждому нуждающемуся, — все это было ему свойственно до самой кончины;

особенно эти качества выявляются в письмах Пушкина к Энгельгардту и родным, которых он то и дело просит облегчить участь его многочисленных протеже. Конечно, товарищи лицейские любили Пушкина, которого в семейном и дружеском кругах звали Жаппо!, и всегда образ его вызывал у всех, знавших его, чувства нежной привязанности и радости. Даже М. А. Корф, сухой и черствый бюрократ, оклеветавший в своем официальном очерке декабрьское движение, причем он не пощадил и своих лицейских одноклассников — Пушкина и Кюхельбекера — о Пушкине, как о товарище и человеке, всетаки отзывался с теплотой. В дневнике своем за 1840 год он писал: «И. И. Пушкин, один из тех, которые наиболее любимы были товарищами, с светлым умом, с чистой душой...» В другой записи, за 1854 год, Корф почти дословно повторил эту характеристику Пушкина: «Ив. Ив. Пушкин, со светлым умом, с чистой душой, с самыми благородными намерениями, был в лицее любимцем всех товарищей... излишняя пылкость... стубила нашего любимца...» Ни в 1840, ни в 1854 г. Корф не имел основания лицемерить перед самим собой в отношении Пушкина, политическими и социальными взглядами которого он даже не интересовался по существу. Тем ценнее его свидетельство о Пушкине-лицействе, как беспристрастное и выдержавшее испытание времени и политических обстоятельств. Корф говорит о светлом уме Пушкина. Подтверждение этому мнению лицейстов о Пушкине — в стихотворении Пушкина «Мое завещание друзьям» (1815 г.): «Ты не забудешь дружбы нашей, о, Пушкин, ветреный мудрец». В первоначальной редакции было: «О, Пушкин, юноша-мудрец».

Трогательна любовь к Пушкину честного, очень чуткого в нравственных оценках директора лицея Е. А. Энгельгардта, прекрасного педагога. Наряду с Ф. Ф. Матюшкиным, которого старый директор любил нежной отеческой любовью, самое почетное место в его сердце занимал И. И. Пушкин, которого он называл «золотым».

★

Несмотря на близкое участие во всех товарищеских делах, Пушкин был на хорошем счету у своих лицейских наставников. Благодаря прекрасным природным способностям, он хорошо усваивал преподаваемое, и в ведомостях лицейских о нем — лучшие отзывы.

Так, в «табели, составленной из ведомостей профессоров, адъюнктов и учителей об успехах, о прилежании и о дарованиях воспитанников лицея с 23 октября 1811 по 19 марта 1812 года», под фамилией Пушкина — четвертого в списке воспитанников, перечисленных в порядке успешности их занятий, — читаем о его «превосходных успехах, более твердых, нежели блистательных, о редком прилежании, о счастливых дарованиях» и т. п. В «табели с 19 марта по ноябрь 1812 года» читаем о Пушкине,

который здесь числится шестым по списку, что у него счастливые способности, редкое прилежание, успехи твердые, здраво мыслит; по способностям немецкой и французской у него великие способности и прилежание; в рисовании у него отличные дарования, очень хорошие успехи (отмечу, что в лицейском музее хранится и теперь рисунок Пушкина — пейзаж, написанный итальянским карандашом); по нравственной части он весьма благонадежен, с осторожностью и разборчивостью; благороден, добродушен, рассудителен и чувствителен с мужеством. В «отчете о поведении и свойствах воспитанников» за 1812 г. о Пушкине дан такой отзыв: «С весьма хорошими дарованиями, всегда прилежен и ведет себя благоразумно; благородство, воспитанность, добродушие и скромность, чувствительность, с мужеством и тонким честолюбием, особенно же рассудительность суть отличительные свойства; в обращении приятен, нежлив и искренен, но с приличной разборчивостью и осторожностью».

И позже отзывы профессоров о способностях Пушкина всегда положительны. Проф. Н. Ф. Кошанский (российская и латинская словесность) всегда аттестует Пушкина отличным учеником. Проф. И. К. Кайданов (география и история) свидетельствует, что Пушкин — «дарований очень хороших, уроки слушает всегда с особенным вниманием, а посему оказывает весьма хорошие успехи, в поведении благонаправен».

Что же вынес Пушкин из лицейского преподавания, какие лекции профессоров, какие влияния создали из него политического деятеля, сознательно шедшего по определенному пути со дня выхода из лицея до самого дня 14 декабря 1825 г. и сохранившего свои верования неизменными до могилы?

Царскосельский лицей был основан в 1811 году с целью «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной и составленного из отличнейших воспитанников знатных фамилий». Программа лицейского преподавания, состоявшая из предметов, «приличных важным частям государственной службы и необходимо нужных для благовоспитанного юноши», была разделена на два курса, по три года каждый. 19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие лицея, подробно описанное Пушкиным в его записках. Как ни плоха была постановка преподавания в лицее, ввиду убогого состояния тогдашней отечественной педагогики, но царскосельские студенты могли свободно развивать свои природные дарования и стремления. Особые условия существования лицея в тихом, удаленном от столицы городке, отсутствие целого ряда начальственных инстанций, наличие молодых, не испорченных еще раболепством и чиновничьим прислужничеством профессоров, — все это способствовало проникновению в сознание лицейстов идей свободолюбия и демократизма, которые они слышали на лекциях. Последние годы пребывания в

лицее им довелось провести под руководством Е. А. Энгельгардта, который был выдающимся педагогом, глубоким знатоком основных начал воспитания, искренно был предан демократическим идеям и, сам идеалист в лучшем смысле слова, превосходно умел подойти к сердцу юноши-идеалиста, каким был, например, Пушкин.

Особенно же сильно влиял на политическое развитие лицеев профессор права Куницын. Пушкин увековечил память Куницына и запечатлел его влияние на лицеев в своем «19 октября» 1825 года. В первой редакции этого стихотворения поэт говорит:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

В своем лицейском курсе о «праве естественном» (издан в 1818—1820 гг. и вскоре отобран у автора и из всех учебных заведений, как «явно противоречащий истинам христианства и клонящийся к ниспровержению всех связей семейных и государственных») Куницын смело и горячо выступал в защиту прав человека и гражданина, проповедуя идеи всеобщего равенства. Воспитанник Геттингенского университета, он учил своих слушателей, что «каждый должен быть признаваем нравственным существом, целью для себя самого», что «соединение людей для достижения общей цели не может произойти иначе, как через договор, ибо никто не имеет первоначального права принуждать других желать того, чего он сам желает, и действовать для целей, им не назначенных». Власть царя, по учению Куницына, ограничена «естественными» правами человека — свободой личности, слова, совести — и договором, на основании которого общество вручило ему власть: «Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, а кто оно производит, тот есть тиран». Особенно резко протестовал А. П. Куницын в своих лекциях против крепостного права: «Никто, — говорил он своим слушателям, — не может приобрести право собственности на другого человека ни против воли, ни с его на то согласия, ибо право личности неотчуждаемо».

Атмосфера в лицее вообще была демократическая. Обращение профессоров с воспитанниками и последних со служащими было самое вежливое; лицеевцам не только на лекциях Куницына внушалось, что все люди равны. Особенно это направление усилилось при Энгельгардте, который неуклонно отстаивал демократический принцип в управлении лицеем.

Прошло шесть лет первого курса лицея. В «Отчете об учебных занятиях воспитанников» находим интересный материал для суждения о характере и внутреннем содержании учебного курса, который прошел Пушкин. Особенно любопытны здесь в

связи с будущей его деятельностью строки о преподавании лицеевцам политических и юридических наук: «От первого изложения системы наук политическим воспитанникам постепенно предлагаемы были науки, объясняющие права и обязанности людей в общежитии, состав гражданского общества и существо связей, соединяющих различные части государства... способ удовлетворения общественным потребностям...» Отчет указывает, что профессора лицейские в истолковании положительного законодательства России принимали «не буквальное выражение воли верховной, но повод и причину, служившие побуждением к учреждению какого-либо закона». При обсуждении отдельных законов лицеевцам указывались их противоречия и «внимание их преимущественно было обращено на сии пункты, обыкновенно запутанность и беспорядок в течении судебных дел производящие. Не скрыты были от них злоупотребления, в суде и расправе встречаемые, равно как источники оных и последствия: ибо в храме просвещения и образования одна только истина должна управлять устами наставника; она только может обнаружить всю гнусность неправоты, мздоимства и лицепрятия... Конференция... каждому из своих членов поставляла в обязанность изображать вещи в настоящем их виде, несмотря ни на какие уважения».

Пушкин вполне воспринял эти идеи и осуществлял их в своей судейской деятельности. Оправдал он надежды своих учителей и в стремлении их так показать лицеевцам устройство государственных дел, «чтобы сердца их наполнялись состраданием к ближнему и чтобы они получили смелость восставать против злоупотреблений, таким игом обременяющих общество».

На политические идеи Пушкина должно было оказать влияние и преподавание в лицее истории всеобщей и отечественной. Отчет так характеризует это преподавание: «Вопреки вкравшемуся по злоупотреблению обычаю хвалить все домашнее без разбору, деяние историческое и характеры лиц, имевших влияние на дела России, представляемы были в точном их виде. Самые пороки изображены были во всей их гнусности». Лицеевцам внушалось, что в области правления в России предстоит еще сделать очень многое для благосостояния народа.

К этим профессорским влияниям присоединялись еще дружеские беседы с воспитанниками Е. А. Энгельгардта, который внушал лицеевцам, что «сердце — высший дар общества, в этом священном хранилище достоинство человека только существует, что основное правило жизни — в чистоте совести, что судейская деятельность выше военного ремесла, что «всякий здоровый, широкоплечий, не ученый и особенно не рассуждающий человек может быть у нас отличнейший офицер», а люди, имеющие «высшие нравственные и умственные достоинства», не должны посвящать «труд и жизнь на это машинальное, бездушное дело».

Понятно, что в такой обстановке Пушкин проникся свободолюбивыми идеями, развитию которых способствовали и внешние знакомства его. «Еще в лицейском мундире, — пишет он, — я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михаил), Бурцов, Павел Калошин и Семенов. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком...» И. Д. Якушкин рассказывает в своих записках, как царские генералы преследовали такие офицерские артели, в которых участники их «читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе».

Позднее, когда Пушкин был осужден по декабрьскому делу, все его вольные идеи были поставлены в вину лицею. Была представлена Николаю I составленная Фадеем Булгариным секретная записка о «лицейском духе», который характеризуется так: «В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надо показаться любителем равенства. Молодой вертопрах... должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться не верующим христианским догматам и более всего представляться филантропом и русским патриотом». Автор записки доносил, что в «лицее начали читать все запрещенные книги, там находится архив всяких рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в лицей». Либерализм укоренился в лицее, по уверению Булгарина, в самом мерзком виде.

★

Так кончил Пушкин в 1817 году курс учения в лицее и был выпущен оттуда с чином офицера гвардии, причем был объявлен достойным серебряной медали. После выпускного акта Пушкин заболел и остался некоторое время лежать в лазарете, а затем уже вступил в военную службу.

3. ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУЩИНА

Пушкин — покровитель бедных, гонитель неправды.

Н. И. Греч.

Вступив 29 октября 1817 года в гвардейскую конную артиллерию, Пушкин широко развил свою деятельность в качестве члена Северного тайного общества и скоро был избран в

Думу — руководящий орган заговора. Его революционная репутация была столь известна, что Н. И. Тургенев при встрече с ним, после восстания Семеновского полка в 1820 году, сказал Пушкину: «Что же вы не в рядах восстания Семеновского полка? Вам бы там надлежало быть». Был Пушкин и в знаменитом походе 1821 года вместе со всей гвардией, которой этот поход был назначен в наказание за вольный дух ее и в виде меры для охлаждения либерального пыла гвардейской офицерской молодежи. Гвардия дошла до Царства Польского и была оттуда возвращена в столицу, а руководители тайного общества сумели в пути наберечь многих новых членов. Так мера, которую царь надеялся ослабить революционный дух офицерства, послужила к расширению заговора.

Пушкин хорошо помнил заявление Энгельгардта, что офицером может быть и всякий туго размышляющий, мускулистый субъект, а человек, одаренный способностью мыслить, должен действовать там, где можно непосредственно помочь народу. Помнил он в частности советы Энгельгардта лицеистам работать на поприще судейском и недолго пробыл в военной службе. В апреле 1820 года И. И. был произведен в подпоручики, в декабре 1822 года — в поручики, а в январе 1823 года был «уволен от службы по домашним обстоятельствам, для определения к статским делам». При этом было указано, что Пушкин «в штрафах не бывал, по-русски, немецки, французски читает, писать и говорить умеет, и артиллерийскую науку знает; повышению чином достоин». Это было все, что требовалось тогда начальством от гвардейского офицера. Развитие Пушкина было неизмеримо глубже этой программы.

Внешним поводом к оставлению военной службы для Пушкина послужило столкновение с великим князем Михаилом Павловичем, который на выходе во дворе заметил ему, что у него не по форме завязан темляк на сабле. На самом же деле он стремился осуществить свой идеал общественного деятеля.

На свое вступление в тайное общество он смотрел, как на нечто, обязывающее и возвышающее его самого. «Я как будто вдруг получил особенное значение в своих собственных глазах, — пишет Пушкин, — стал внимательнее смотреть на жизнь, во всех проявлениях буйной молодости наблюдал за собой, как за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей в состав того целого, которое рано или поздно должно иметь свое благотворное действие». Демонстративно оставив военную службу в гвардии, он захотел усилить демонстрацию поступлением на должность квартального надзирателя, чтобы, как он сам говорил позднее Е. И. Якушкину, показать, что в службе государству и народу нет обязанности, которую можно бы считать унижительной.

Это решение Пушкина привело в ужас его родных. Несколько позднее, когда амнистированный М. И. Пушкин (при-

пятым братом в тайное общество) просил у отца разрешение приехать в родовое имение управителем, отец сказал сыну, что «не дворянское дело быть управителем и ниже упасть его сыну невозможно». Сестры на коленях умоляли И. И. Пущина отказаться от мысли пойти в квартальные. Он поступил в надворные судьи, сверхштатным членом Петербургской уголовной палаты. Вступил он в должность в июне 1823 года, а в декабре того же года перевелся в Москву надворным судьей. Это нужно было для целей заговора: Верховная дума поручила Пущину организовать Московскую управу общества и заведывать ею.

В своих записках Пущин из скромности ничего не говорит о своей судейской деятельности, но современники много знали и говорили о надворном суде-лицействе. Их мнения отражены в стихах Пушкина. Ф. С. Хомяков писал тогда же знаменитому своему брату: «Пущин первый честный человек, который сидел когда-либо в русской казенной палате». Даже такой прислужник правительства, как Н. И. Греч, после декабря 1825 года обдавший декабристов ушатом грязи, о Пущине писал: «Благородный, милый, добрый молодой человек, истинный филантроп, покровитель бедных, гонитель неправды; в добродетельных порывах, для благотворения человечеству, вступил на службу, безвозмездно, по выборам, в уголовную палату; память о его уме, сердце и характере останется навеки в глубине души моей...»

Друг и товарищ Пущина по обществу, П. И. Калошин, писал в апреле 1824 года В. Д. Вольховскому: «После долгого ожидания, наконец, Пущин прибыл к нам: все тот же. Принялся за дело и думает надворный суд свой исправить: дело великое, но трудное». Сам Пущин, оптимист до конца жизни, тогда же писал Вольховскому: «Мой надворный суд не так дурен, как я ожидал. Вот две недели, что я вступил в должность; трудов бездна, я им (подчиненным) толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственным примером возбудить в них охоту и усердие». К этой службе Пущин привлекал и друзей своих, между прочим, С. Н. Кашкина, не скрывая от него всех неудобств и трудностей дела. Он просил Кашкина «хорошо обдумать свое намерение», и когда тот согласился пойти в надворный суд заседателем, то Пущин считал, что Кашкин «решился на подвиг», и выразил уверенность, что «вместе дело пойдет дружнее».

Старый директор лицея Энгельгардт гордился поступком своего Jeannot и еще раньше писал Матюшкину об отъезде Пущина в Москву так: «Очень, очень больно мне с ним расставаться, но определение его там так лестно и для него и для лицея, что я уже о себе и думать не смею». Члены тайного общества также отдавали должное гражданскому подвигу Пущина. Но не только заговорщики — отдельные представители правящей знати — восторгались энергичной борьбой Пущина с неправдой

черной, царившей тогда в судах. Генерал-губернатор московский, князь Д. В. Голицын, говорил с большой похвалой о судейской деятельности Пущина, которого он вообще любил; об этом он говорил в 1830 году также М. И. Пущину. В конце 50-х годов, через 30 слишком лет после ссылки Пущина, помнили в Москве, «с какой твердостью и достоинством исполнял Пущин трудные обязанности судьи».

В этом отношении деятельность Пущина соответствовала уставу Союза Благочестия, один из параграфов которого предписывал членам тайного общества занятие должностей в гражданском ведомстве, с целью исполнения не только принятых на себя обязанностей, но уничтожения лихоимства и других злоупотреблений, постепенным улучшением нравственности среди товарищей и подчиненных и распространением просвещения. В программе Союза было и наблюдение за исполнением государственных постановлений, побуждение чиновников к исполнению их обязанностей, наблюдение за решениями по судебным делам в правительственных учреждениях соответственно справедливости, материальная поддержка людей, пострадавших за правду.

Крестьянский вопрос особенно занимал членов тайного общества. Будучи председателем Московской управы тайного общества, Пущин учредил особый «Практический союз», имевший целью, впредь до осуществления общеполитических и социальных идеалов общества, содействовать освобождению от крепостной зависимости дворовых людей. В земельном вопросе Пущин был сторонником радикального решения дела. По исследованию В. И. Семевского, на рукописи второй редакции конституции Н. М. Муравьева рукою Пущина сделана в соответственном месте пометка: «сежели огород — то и земля». О своих взглядах на крестьянский вопрос Пущин говорит в письмах к брату и к Энгельгардту. Сам он крепостных не имел, а слуга его из отцовских дворовых, Алексей, умел читать Пушкина и понимал великого поэта.

★

Заговор разрастался. Появились предатели в среде тайных обществ. Надо было решиться на что-нибудь определенное. Внешние обстоятельства толкали на это, а смерть Александра I ускорила ход событий. При первом известии о приближающейся развязке И. И. Пущин поспешил в Петербург: так было условлено между членами Думы. Князь Д. В. Голицын не хотел дать ему отпуска, Пущин придумал болезнь родителей. Прибыв в столицу, Пущин принимал участие во всех заседаниях Верховной думы, решавшей вопрос о восстании. Был он и на том заседании, где решено было вывести войска на Дворцовую площадь.

Наступил день 14 декабря 1825 года,— день, когда, по выражению Н. А. Котляревского, «вспышка политической мысли, перешедшая с необычайной быстротой в решительное действие, вырвала из среды нашего образованного общества, столь малочисленного в те годы, много даровитых людей».

Сообщая в Москву С. М. Семенову, М. Ф. Орлову, М. А. Фонвизину и др. членам общества о готовящемся выступлении, о сложной и обильной работе, выпавшей на долю Верховной думы, Пущин в письме от 13 декабря 1825 года просил приятелей вздохнуть о нем: он предчувствовал неудачу. Брат его Михаил в воспоминаниях об этих днях пишет: «Он знал наверное, что пропадет, потому что никакой веры не имел в организацию общества, но от товарищей отставать не хотел». И точно, в письме Семенову Пущин пишет: «Если мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов». Пущин не напрасно говорил брату, что предчувствует неудачу восстания и свою гибель. Но возвращаться назад было поздно: личного страха в нем не было, малодушие было ему органически чуждо. Пущин был в первых рядах выведенных на площадь войск и вместе с Рылеевым проявлял в то утро кипучую деятельность.

С постоянной своей рассудительностью, с неизменным спокойствием, он не потерял головы, когда стало известно, что избранный Верховной думой в диктаторы С. П. Трубецкой на площадь не явился, хотя утром Пущин и Рылеев были у него и уговаривали выполнить свой долг перед обществом. Это сильно расстроило планы заговорщиков. В виду растерянности и колебания, проявленных другими главарями восстания, Пущин принял на себя командование ближайшим к нему отрядом. Он был в центре стрельбы и только по счастливой случайности не был ранен, но плащ на нем был прострелен в нескольких местах. Вообще он в тот день проявил твердость характера и хладнокровие. Так, когда в замешательстве один отряд восставших войск стал расстреливать другой и все находившиеся вблизи офицеры-заговорщики не сумели остановить это самоистребление, Пущин нашелся: он велел барабанщику бить отбой, и стрельба прекратилась.

Пущин также заботился о том, чтобы не было лишних жертв среди товарищей-заговорщиков. Помнил он и о небооруженном народе, окружавшем площадь, просил толпу разойтись во избежание нечаянных жертв, когда в повстанцев стали стрелять картечью. А когда к заговорщикам подъехал для переговоров нелюбимый офицерам молодежью генерал И. О. Сухозанет, то Пущин крикнул ему: «Пришлите кого-нибудь почище вас».

Но по мягкости характера Пущин был одним из самых умеренных заговорщиков. В числе других он, например, удерживал А. И. Якубовича от царубийства. И можно верить, что он говорил правду, когда отводил от себя вину в подстрекательстве

И. Г. Каховского на царубийство, хотя и обнял последнего, когда Рылеев уговаривал Каховского убить Николая. Неправильно также пеленый, вечно возбужденный, все путавший и забывавший В. К. Кюхельбекер показывал, будто Пущин подбивал его стрелять в ген. Воинова. Не отрекавшийся от своих, разоблаченных другими действиями, Пущин решительно отверг это обвинение, и ему можно верить, потому что всей его политической программе чуждо насилие — от мелочей до важнейших дел. Он только подчинился партийной дисциплине, когда не протестовал против предложения К. Ф. Рылеева начать день 14 декабря убийством Николая. Когда на совещаниях Верховной думы обсуждался вопрос о новом образе правления в случае успеха переворота, Рылеев и Пущин настаивали на том, что «никакое общество не имеет права вводить насилие в своем отечестве нового образа правления, сколь бы он ни казался превосходным, что это должно предоставить выборным от народа представителям». Он был конституционалист до конца жизни и в 1858 году писал по поводу избрания его брата в какой-то комитет, что, расходясь в мнениях с избирателями, нельзя брать на себя представительства.

Но где надо было проводить решения большинства, там Пущин был на первом месте. Любопытно показание А. А. Бестужева: «Ив. Пущин в обществах давно прежде был весьма рассудителен и говорил, что начинать прежде 10 лет и думать нельзя, что нет для того ни людей, ни средств. Но, прослышав о смерти государя императора, тотчас приехал в Петербург и уже говорил, наравне с другими, что такого случая упускать не должно... Был на площади, ободрял солдат...»

Пущину вместе с Рылеевым Дума поручила отвезти, на случай успеха восстания, проект манифеста в Сенат и побудить сенаторов М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова и И. М. Муравьева-Апостола принять на себя временно управление государством. Этого делать не пришлось. Вечером заговорщики, и Пущин тоже, собрались у Рылеева, поговорили, потужили о неудаче и разошлись, чтобы назавтра быть арестованными.

4. ПУЩИН В ПРОЦЕССЕ ДЕКАБРИСТОВ

Пущин в обращении искренен, но с приличною разборчивостью и осторожностью.

Наставники о Пущине.

Разгромив заговорщиков, Николай I в мести побежденным противникам проявил жестокость тирана и бездушность палача. Много есть показаний в литературе о пытках, применявшихся при допросах. Пытки нравственные, худшие телесных, — порою и физические, широко практиковались комиссией, дей-

ствиями которой руководил сам император. Охотно отрекавшийся от революционных стремлений своих бывших товарищей Д. И. Завалишин, религиозно-правдивый и торжественно-спокойный М. А. Фонвизин, пылкий, романтический Н. А. Бестужев, искренний и добросовестный И. Д. Якушкин — одинаково говорят об этом. Держали декабристов в темных и сырых от наводнения 1824 года казематах Петропавловской крепости; заковывали в ножные и ручные кандалы; угрожали пытками в случае запирательства; подвергали испытанию их родственные и дружеские чувства, лживо заявляя, будто того или иного из них выдал брат или приятель, а потому и других щадить не надо; сажали по две недели на хлеб и воду; обещали помилование за откровенные показания; внезапно будили среди сна, надевали на голову покрывала и приводили в зал заседаний, где при ярком свете неожиданно сдергивали повязки; «поражали воображение и тревожили дух». Сам Николай в своих записках с безграничным цинизмом рассказывает, как он допрашивал С. И. Муравьева-Апостола в продолжение нескольких часов, не обращая внимания на усталость и полнейшую измученность допрашиваемого, который буквально падал с ног. Это была настоящая физическая пытка.

Иные не выдержали: наговорили много лишнего, выдали непричастных к делу товарищей, нагромождали снежные комы имен — членов общества и посторонних, — малодушествовали, доходили до пресмыкательства, проявляли всю неопытность пионеров массовой революции, попавших в руки инквизитора, так же изобретательного в сыске, как и беспощадного и злобного, жестокого вместе... Пушкин — из тех, что не поддались провокации царских следователей.

Товарищ Пушкина по лицу А. М. Горчаков привез ему заграничный паспорт и предлагал устроить отъезд на иностранном пароходе, — он отказался, не хотел оставить товарищей в беде одних. Арестованный 15 декабря и заключенный в Петропавловскую крепость Пушкин все время следствия держался с поразительным спокойствием; с редким самообладанием вел свою систему защиты, заключавшуюся сначала в решительном отрицании перед комиссией какого-либо участия в подготовке восстания, как своего, так и всех названных ему лиц, часто выгораживая других вопреки очевидности. Если же он после настойчивых, инквизиторских вопросов признавал чьи-либо имена, так только те, относительно которых улики в вопросах комиссии были слишком явны. Особенно любопытен его способ уклонения от выдачи того, кто принял его в общество, ссылкой на вымышленное лицо или на покойника, который никого не мог впутать в дело. До самого конца следствия не хотел Пушкин назвать полковника И. Г. Бурцова, и только определенное заявление Е. П. Оболенского заставило Пушкина признать, что Бурдов принял его в заговор.

Редкий из декабристов был так сдержан, осторожен и уклончив в своих ответах комиссии, как Пушкин: показания его — едва ли не самые краткие из всех показаний привлеченных к делу главарей заговора. В них вырисовывается его благородный характер, проявляется его политическая зрелость, обнаруживается гражданская стойкость, и видна нежная дружба к товарищам по несчастью, к именам которых он бережно относился. Когда невозможно было отделаться молчанием, Пушкин ссылался не на отдельных членов общества, а на постановление совещания. Но Пушкин не только не выдавал товарищей, не только умалчивал о тех, которые уже были известны комиссии, он еще поучал следователей приличию и скромности. Социализм после неоднократного отрицания и после предъявления ему уличающих показаний других лиц, что он был руководителем Московской управы общества и учредителем Практического союза, Пушкин заявляет комиссии: «Поименовать членов сего союза я считаю излишним, ибо сие не входит в состав требований комитета, который, конечно, не найдет ничего предосудительного в цели сего союза». Это сильно рассердило членов комиссии, и Пушкину было сделано строгое замечание: «Комитет замечает вам, что как вас уже спрашивали о принадлежности вашей к другим обществам, то и надлежало вам назвать вышеозначенный союз, а не умствовать и не рассуждать, входит ли знание о сем союзе в состав требований и обязанностей комитета или нет».

Для характеристики поведения Пушкина во время следствия приведу здесь только самые небольшие отрывки из его кратких и сдержанных показаний.

Первое показание дано Пушкиным 17 декабря 1825 года, немедленно по доставлении его в Алексеевский рavelин. «Состою я в обществе более четырех лет, — отвечает Пушкин на вопросы комиссии, — принят в оное служившим в Киевском гренадерском полку штг.-капитаном Беляевым [вымышленное лицо]. Вышедши из военной службы, определился я в уголовную палату, где познакомился с служившим тогда дворянским заседателем, оставшим подпоручиком Рылеевым [Пушкин знал уже об его аресте]. Находя в частных разговорах наших, что мысли наши сходны, я ему объявил о существовании общества, в которое его принял. Цель общества была — обуздание законами власти правительства. По правилам же общества, всякий из сочленов был неизвестен о действиях других, почему решительно не знаю, есть ли отрасли и где оные находятся... Брату моему [Михаилу] о существовании общества никогда не говорил и считал лишним подвергнуть его опасности. Но за два дня до происшествия, когда пронесся слух об отречении, спрашивал я о духе его эскадрона насчет присяги, тогда он отвечал мне, что эскадрон будет присягать вместе с Измайловским полком и будет делать согласно с оным».

Следующий допрос был учинен Пушкину 20 декабря. «В обществе московском нахожусь я столь недавно, что членом оною знаю немного. В сношении был я из оных с г. Черевиним [покойник], свитским офицером, и видал у него Токарева [еще покойник], служившего в министерстве юстиции. С сим последним в сношении я не был, но по разговорам видал, что к обществу принадлежит...» «По требованию комитета, сим имею честь показать: зовут меня Иван Иванов сын; от роду мне 27 лет... Особых лекций по выпуске из лицея никаких не слушал. Свободный образ мыслей по естественному ходу духа времени заимствовал я от чтения политических книг, коим занимался по выходе из лицея в свободное время от службы. Никто не способствовал к укоренению этих мыслей во мне».

Видя упорство Пушкина и нежелание давать прямые показания на письменные вопросы, следственная комиссия вытребовала его 28 декабря на допрос в полном своем присутствии. «Убежденный в горестном положении отечества моего,— отвечал Пушкин комиссии, продолжая свою тактику и после торжественного священнического увещания,— я вступил в общество с надеждою, что в совокупности с другими могу быть России полезным слабыми моими способностями и иметь влияние на перемену правительства оной. Принят был я в общество в 1821 году Беляевым. С означенным Беляевым познакомился я у давнишнего моего приятеля Павла Черевина, который, к сожалению друзей его, скончался в прошлом году в Москве... В декабре [1822 г.] по домашним обстоятельствам подал в отставку для определения к статским делам, согласно изъявленному мною желанию служить в присутственных местах, где всякий честный человек может быть решительно полезен другим. Тут познакомился я с Рылеевым... Предполагалось было для необходимых издержек общества вносить каждому члену десятую часть годового дохода, но было ли сие исполнено, мне неизвестно; я же, с моей стороны, не мог ничего внести по расстроенным домашним моим обстоятельствам...»

«Находясь в здешней [петербургской] палате сверхштатным членом без жалованья и получа уже некоторый навывк в производстве дел,— отвечает Пушкин на вопрос комиссии, не для чего ли он переведен на службу в Москву, чтобы «распространить там круг действий заговорщиков»,— я вознамерился найти место, где бы мог быть употреблен с пользою. Посему написал я лицейскому товарищу моему Данзасу [в Москву], и генерал-губернатор князь Голицын определил меня судьбою I департамента Надворного суда. Места сего, хотя и в нижней инстанции, я никак не почитал малозначущим, потому что оно дает направление делу, которое трудно, а иногда уже и невозможно поправить в высшем присутственном месте; следовательно, переезд мой в Москву был совершенно далек от цели распространения нашего общества, которое, по наблюдениям моим, не могло

там делать успехов; ибо во всех лицах, которых я там встречал, я находил или людей еще очень молодых или таких, кои преданы совершенно рассеянию общества и ни о чем полезном не думают... В обществе нашем не находилось, сколько мне известно, никого из людей высшего сословия; но мы надеялись, что найдутся таковые, которые, видя нас с вооруженною силою, захотят действовать согласно нашей цели для блага отечества. По приезде моем в Петербург за шесть дней до происшествия 14 числа, слыша о распространившемся слухе — об отречении Константина Павловича от престола и об нежелании некоторых гвардейских полков присягать наследнику его, я полагал, что воспользоваться сим неудовольствием войск весьма можно для исполнения цели общества. Возможность сего предприятия основывал я на военной силе, которая в состоянии будет отстранить царствующий дом от престола и, руководимая членами общества, требовать от высших правительственных мест учреждения временного правления впредь до собрания государственных чинов для совещания о новом государственном устройстве...»

«Мне совершенно неизвестны,— показывал Пушкин 10 января 1826 года,— отрасли общества, находящиеся внутри государства, и потому, кроме поименованных мною членом в прежних показаниях, с которыми я был в сношениях, никого больше не знаю».

«Подтверждая прежде данное мною показание,— заявлял Пушкин следственной комиссии 11 января,— что в Москве никаких приобретений для нашего общества не сделал, сим честь имею с требуемою откровенностью объяснить. В начале прошлого года, желая хотя несколько содействовать к общему благу, я учредил между знакомыми моими в Москве союз, имеющий целью личное освобождение дворовых людей. Обязанность члена состояла в том, чтоб не иметь при своей услуге крепостных людей, если он вправе их освободить. При всяком случае, где есть возможность к освобождению какого-нибудь лица, оказывать должен пособие или денежное, или какое-нибудь другое, по мере возможности... Поименовывать членом сего союза я почти излишним, ибо сие не входит в состав требования комитета, который, конечно, не найдет ничего предосудительного в цели сего союза...»

«Точно показывал я Павлу Калошину,— отвечал Пушкин 12 января комиссии на ее вопрос,— листок об обществе соединенных и убежденных, который заключал в себе в нескольких словах цели и обязанности членом общества... Калошин сказал, что ему до этого дела нет. Когда же и кем был Калошин принят в тайное общество, я не знаю... Вот причина, по которой я не показывал его членом нашего общества, ибо я могу только называть тех, кои достоверно мне известны или мною приняты».

Не слыхал, не видал, не помню,— вот главное содержание ответов Пушкина комиссии. Так, в показаниях от 9 марта, на во-

прос о Граббе-Горском, он заявлял: «Это было от меня довольно отдаленно, так что ничего нельзя было слышать; равным образом мне неизменно определительно, до каких пор он оставался на площади, ибо я не обращал на него внимания».

В обширных вопросных пунктах, на которые Пущин отвечал в показании от 14 марта, он заявлял: «К Семенову [в Москву] писал я единственно с тем намерением, чтобы уведомить его о действиях общества, в окончании ж прибавил, что успех в руках бога!»

О письме Пущина в Москву к С. М. Семенову и М. Ф. Орлову от 11 декабря 1825 года комиссии сделалось известно из показаний нескольких лиц. Отдельные фразы письма (готовое Орлов сжег) в их показаниях в общем совпадали, и это дает возможность составить следующий сводный текст письма Пущина: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякий день вместе у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 членов. Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться. Случай удобен; если мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов. Покажите сие письмо Михаилу Орлову». Семенов, в своем показании, так излагает письмо Пущина: «Он с 50 или 60 человеками, имея на своей стороне 1000 или 1500 гвардейских солдат и надеясь, что прочие к ним пристанут, намерены провозгласить императором цесаревича Константина Павловича, но что плана, как сие произвести, еще не сделано, и чем все сие кончится, он не знает; что он и спит в одежде, чтобы по первому зову явиться на площадь, и когда получу сие письмо, все уже будет кончено. В заключение просил показать его письмо нашим сочленам». В показании Орлова есть любопытное добавление к тексту письма, очень характерное для Пущина: «Прощай, вздохни об нас, если» и пр.

Уклончивость и осторожность — в показании от 12 апреля. Пущин как будто нарочно издевался над следователями: «Точно, общество, к которому я принадлежал, в 1824 году, если не ошибаюсь, приняло разделение на соединенных и убежденных, как уже показано мною при начале следствия. Относительно же прежнего хода оного я ничего подробно не знаю; все изменения общества должны быть известны тем, которые к оному принадлежали прежде меня и знали состав оного». «Хотя,— говорит Пущин в показании от 6 мая,— не могу припомнить показанного Рылеевым разговора, но, вероятно, он был, если он говорит сие. Мне неизвестно, чтобы общество приняло какие-либо меры для исполнения предположения об увозе императорской фамилии за границу. Я был такого мнения, что должно действовать, услышав о надежде, которую имеют на некоторые полки, но противился грабежу и излишнему кровопролитию...» Но уже на следующий день Пущин был вынужден, с очевидною

горечью за слабость друга, показать по этому вопросу: «В полной мере утверждаю показание сие Рылеева с присовокуплением, что поручение сие не было сделано кн. Трубецким, а было обще нами признано в совещании за нужное...»

Наступила необходимость высказаться точно по вопросу о том, когда Пущин вступил в тайное общество и кто его ввел туда. Еще в показании от 16 мая Пущин издевается над комиссией и есылается на умершего Черевина и вымышленного Беляева. Но когда следователи назвали имена и показали точные заявления,— Пущин 19 мая ответил: «По требованию комитета сим честь имею ответить, что, действительно, в 1817 году принят был полк. Бурцовым здесь, в Петербурге, в члены общества. Признаюсь откровенно, что не хотел объявить его, полагая его совершенно отклонившимся от общества. К крайнему стыду моему, объявляю, что Беляев есть вымышленное лицо, которое мною при начале упомянуто. Сие отклонение от истины, от ложного стыда мною поддерживаемое и употребленное из некоторого чувства сострадания к Бурцову, теперь слишком кажется мне гнусным, чтобы еще продолжать тяжкую для меня о сем переписку. Совесть моя слишком много меня наказывает за сей проступок. Предаю себя совершенно в рассмотрение комитета и в полной мере чувствую, что я дурно поступил». Это последнее показание И. И. Пущина и, конечно, самое издевательское по отношению к следственному комитету.

Остался — и в следственной комиссии, и в литературе — невыясненным вопрос о вхождении Пущина в масонские организации и о деятельности его там. Так, В. И. Семевский в исследовании о декабристах-масонах не упоминает даже имени Пущина. Но А. Я. Булгаков, в своих воспоминаниях о московских арестах после 14 декабря 1825 года, пишет об «обществе семисторонней звезды» и упоминает Пущина, как члена этого общества. Он же в письме к брату, от 22 февраля 1826 года, сообщает: «Отсюда попался также к негодям петербургским молодой Пущин, служивший при князе... У этого Пущина есть здесь приятели. Они составили так называемое братство семиугольной звезды... Тут Данзас, Кашкин, Пущин...» Наконец, внук И. И. Пущина, Л. И. Пущин, сообщил мне, что в семейных преданиях есть известие о принадлежности его деда к масонскому обществу.

В списке лиц, преданных Верховному уголовному суду, И. И. Пущин помещен в числе членов Северного общества. В росписи, содержащей приговор суда, он включен в рубрику «воздуарственных преступников первого разряда, осужденных к смертной казни отсечением головы». Здесь читаем: «Коллежский ассессор Пущин участвовал в умысле на царубийство одобрением выбора лица, к тому предназначенного; участвовал в управлении общества, принимал членов и давал поручения; лично действовал в мятеже, возбуждая нижних чинов». В одной

из самых кратких формулировок обвинительных пунктов по делу Пущина говорится следующее: «И. И. Пущин принят в Союз Благоденствия в 1817 году. В 1823 году избран членом Северной думы. Знал о цели Южного общества ввести республику, но не одобрял. В 1824 году слышал о заговоре в 1823 году при Бобруйске покуситься на жизнь императора Александра I и в 1825 году, бывши в Москве, слышал о злоумышлении Якубовича. Из находившихся в Москве членов заводил управу, которая вскоре разрушилась. В С.-Петербурге приехал за шесть дней до 14 декабря, участвовал в совещаниях о начатии возмутительных действий; соглашался на устранение царствующего дома от престола и вместе с другими обнимал Каховского, когда Рылеев убеждал его убить ныне царствующего императора; он взялся ободрять войска на площади, где оставался до картечных выстрелов, расхаживая по фасам, поощрял солдат к мятежу и при наступлении кавалерии на чернь скомандовал переднему фасу взять ружья от ноги».

По конфирмации приговора, осужденным по первому разряду, в том числе и Пущину, смертная казнь была заменена ссылкой «свечно на каторжные работы», с лишением чинов и дворянства. Еще через несколько дней Пущин был перечислен в ту группу осужденных по первому разряду, которым срок каторжных работ был определен в 20 лет, со ссылкой затем на поселение.

Во время чтения приговора, 13 июля 1826 года, Пущин единственный пытался протестовать против осуждения его и товарищей и выступил из рядов декабристов с речью. Начальство зашикало на смельчака и велело увести весь первый разряд в казематы.

5. ПУЩИН В СИБИРИ

В Чите и Петровском он только и хлопотал о том, чтобы никто из его товарищей не нуждался.

Н. В. Басаргин.

До отправления на каторгу в Сибирь Пущина продержали 20 месяцев в Шлиссельбургской крепости. Здесь он сидел рядом с Н. А. Бестужевым, с которым перестукивался по изобретенной последней тюремной азбуке. Свиданий не давали — ни с товарищами, ни с родными. Духом Пущин был тверд попрежнему и писал родным, что вопрос о политическом значении 14 декабря не подлежит рассмотрению в плоскости, в какую его поставил победитель.

Наконец, осенью 1827 года, Пущин с несколькими товарищами был отправлен в Читу на каторгу. Вез их фельдъегерь Желдыбин, грубый и злой человек. Он обходился жестоко с осужденными, которых вез, не давая им ни есть, ни отдох-

нуть, бил ямщиков, загонял лошадей — все для того, чтобы припрятать побольше денег из отпущенных ему на содержание декабристов в пути.

В ноябре Пущин был в Тобольске, в конце декабря в Иркутске, а в первых числах января 1828 года прибыл в Читу. Началась каторжная жизнь. Здесь он застал И. Д. Якушкина и был помещен в одной с ним комнате вместе со многими другими товарищами. Было так тесно, что ночью на нарах на каждого приходилось в ширину не более аршина. В читинском каземате декабристы вели жизнь на артельных началах, поочередно заведывали хозяйством, убирали камеру. К обеду сторож приносил огромную миску щей, крошеное мясо и нарезанный хлеб; пожей и вилок заключенным не полагалось. Ложки отпущались деревянные или оловянные, вместо тарелок пользовались деревянными чашками. После обеда по очереди мыли посуду.

Теснота в камерах была такая, что заниматься чем-нибудь в свободное от работ время не было возможности, развлекались игрой в шахматы да рассказами. Пущин рассказывал товарищам о Пушкине, читал им непоявившиеся еще в печати стихотворения поэта, сообщал подробности из их лицейской жизни.

В Чите Пущин пробыл свыше двух с половиной лет. Жизнь в читинской тюрьме была обставлена сурово, однако еще в августе 1828 года с декабристов были сняты кандалы. Природа края была к ним более благосклонна, чем начальство. «Местность и климат Читы, — по словам товарища Пущина, Н. В. Басаргина, — были бесподобны, растительность необыкновенна. Воздух был так благотворен, что все в Чите очень поздоровели. Приехавши туда изнуренные крепостным заключением и нравственными испытаниями, вскоре избавились от всех последствий перенесенных страданий. Конечно, этому много способствовала молодость, но и климат оказал большую помощь. Отсутствие телесных недугов имело необходимое влияние на расположение духа. Мы были веселы, легко переносили свое положение и, живя между собою дружно, бодро и спокойно смотрели на ожидавшую нас будущность». Хотя многие из ссыльных были обременены своей печальной участью излишней болтливостью некоторых товарищей, по упреков друг другу не делали: «Никто не подвизал себе даже замечаний другому, как он вел себя на следствии». И, конечно, Пущин первый, при врожденной доброте своей, при неисчерпаемой любви к товарищам по несчастью, при неизменном оптимизме, наполняющем все его сибирские письма к родным и друзьям, — проявлял исключительное доброжелательство и расположение к товарищам. В письмах к сестрам, к Маанинскому, к Энгельгардту он то и дело просил оказать содействие его товарищам по каторге и ссылке, хлопотал за их родных, за них самих. Много хлопотал он и за людей постоянных. Эти постоянные заботы Пущина о других, его предств-

тельство за всех нуждающихся, создали ему даже в интимном кругу репутацию Маремьяны-старницы, как он и сам в шутку называл себя.

★

Пока декабристы мололи муку в Чите и засыпали Чертову могилу, для них в Петровском заводе, Иркутской губернии, Верхнеудинского уезда, строилась специальная тюрьма.

Сначала их хотели было расселить в разных местах Сибири почти в одиночку, что имело бы губительные последствия. Потом был проект сослать их в мрачный Акатуй, но комендант Читинской тюрьмы ген. С. Р. Лепарский, которому Николай вверил судьбу осужденных заговорщиков, выхлопотал разрешение выстроить в Петровском тюрьму для совместного поселения всех декабристов. А совместная жизнь с друзьями и политическими единомышленниками, с людьми одного умственного уровня и воспитания, помимо даже присутствия жен некоторых из них, морально поддерживала декабристов, дала им нравственную опору друг в друге, наконец, немущим из них предоставила материальную помощь.

В середине лета 1830 года торжественной процессией, в экзотической обстановке, отправились декабристы двумя партиями из Читы в Петровск. Путешествие продолжалось свыше полутора месяцев и оставило у сосланных заговорщиков хорошие воспоминания. В начале осени они прибыли в Петровский завод, где их ожидал неприятный сюрприз: тюрьма была без окон, а потом их прорубили, но очень высоко, и свет через них был почти равен прежней темноте. Это было особенно тяжело после привольного путешествия из Читы в завод, когда декабристы почти два месяца провели на свежем воздухе, в хорошей местности, в легкой, приятной прогулке. В письме к сестре от 29 ноября 1830 года Пущин описывает эту гнетущую обстановку петровской тюрьмы. Жены декабристов подняли тревогу, и родственники их в Петербурге сумели добиться улучшения тюремной обстановки. Но пока велась официальная переписка, узникам пришлось около года пробыть почти замурованными, всегда при искусственном освещении. К тому же казематы были построены наспех, в них беспрестанно были поправки, часто загорались стены, ничем не отделанные от печей, в комнатах было холодно. Система надзора была такая сложная, что декабристы находились под четырьмя замками.

Но постепенно наладились отношения с родными, стали получать от них книги и журналы. Все, что издавалось замечательного в России, все, заслуживающее внимания из заграничных изданий, выписывалось в Сибирь. Рассказывается об этом и в письмах Пущина к родным, к Энгельгардту. Читали в артельном порядке, по очереди. Устраивали и музыкальные вечера, концерты. Особенно торжественно праздновали день 14 декабря.

Работа каторжная была в Петровском такая же, как и в Чите — мололи хлеб на ручных мельницах. Прогулки происходили на большом дворе, где любители разводили животных, цветники, огороды. Пущин тоже имел в каторге и ссылке свой сад.

Были среди сосланных нуждавшиеся материально: от одних отшатнулись родные — из жадности или из желания доказать правительству свою преданность, другие просто были бедны. В Сибири были декабристами учреждены две артели для помощи нуждающимся товарищам. Пущин был одним из главных деятелей этих артелей: для помощи товарищам на месте каторги и ссылки и для помощи им же и их семьям по освобождении от наказания. И. Д. Якушкин, Д. И. Завалишин и др. рассказывают про постоянные хлопоты Пущина по делам артелей, в письмах его самого за 40-е и 50-е годы много упоминаний об этом. Он же был щедрым пайщиком артелей.

Прошло 12 лет каторжных работ, и Пущин был в 1839 году сослан на поселение в гор. Туринск, Тобольской губ. В августе он писал сестрам с пути, из Иркутска, а в октябре был уже в Туринске.

Тяжело было Пущину расставаться с товарищами, с которыми он сжился за 12 лет пребывания в Петровском заводе и в Чите. По просьбе родных к нему перевели Е. П. Оболенского, с которым они прожили в Туринске до 1843 года, когда Пущина перевели в Ялуторовск. В Туринске он виделся в 1842 году с братом Н. И. Пущиным, который приехал в Сибирь для ревизии судебных мест и привез декабристам вести об их родных. Здесь же они получили известие о кончине отца.

Выехав в 1843 году из Туринска, И. И. Пущин привез оттуда с собою в Ялуторовск годовалую дочь Аннушку. В 1857 году Аннушку встречал в Нижнем-Новгороде Т. Г. Шевченко, которому рассказывали, что мать ее — простая якутка. Сохранилось несколько строк И. И. Пущина к этой женщине в письме к М. И. Муравьеву-Апостолу от 24 мая 1849 года, публикуемом в первой книге впервые. Шевченко очень возмущался «незаконными» связями Пущина и так пишет об этом в своем дневнике за ноябрь и декабрь 1857 года: «Кончил сегодня портрет М. А. Дороховой (директрисса женского института в Нижнем, иркутская приятельница декабристов, взявшая к себе Аннушку — Нину Пущину на воспитание) и ее воспитанницы Нины, побочной дочери Пущина, одного из декабристов. Удивительно милое и резвое создание! Но мне как-то грустно делается, когда я смотрю на побочных детей. Я никому, и тем более защитнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, так туго связывающей этих бедных побочных детей. Простительно какому-нибудь забубенному гусару, потому что он только гусар, но никак не человек; или какому-нибудь помещику-собачнику, потому что он собачник — и только. Но декабристу, понесшему свой

крест в Сибирь во имя человеческой свободы, подобная независимость непростительна. Если он не мог стать выше обыкновенного человека, то не должен и унижать себя перед обыкновенным человеком. Сообщили мне, что мать Ниночки — простая якутка — и теперь еще жива в Ялutorовске и что отец ее, Пушкин, служит где-то на видном месте в Москве и что он женился на богатой вдове, некоей Кодебу, собственно для того, чтобы достойно и прилично воспитать свою Ниночку. Отвратительный отец». Других сведений о матери Аннушки я в литературе не встречал. В рассказе о женитьбе Пушкина Шевченко ошибается. Пушкин женился в 1857 году на вдове декабриста Н. Д. Фонвизиной не ради ее богатства, а по взаимной склонности, начавшейся еще в Сибири при жизни М. А. Фонвизина.

Вместе с Пушкиным прибыл в Ялutorовск Оболенский, который испросил себе разрешение на перевод туда. К Аннушке Пушкин пригласил няню, вольноотпущенную девушку из крепостных, Варвару Самсонову Баранову, некрасивую наружностью, но сумевшую внушить чувство сильной привязанности Е. П. Оболенскому, который жил первые два года вместе с Пушкиным. Оболенский решил жениться на Барановой, против чего сильно восстали его ялutorовские друзья, особенно Пушкин, возмущавшийся намерением высокообразованного Оболенского связать свою жизнь с безграмотной и неразвитой девушкой. Отношения между друзьями обострились до того, что Оболенскому пришлось выехать от Пушкина. Он поселился отдельно, после чего и женился на Барановой. Однако вскоре после женитьбы Оболенского состоялось примирение, и друзья зажили попрежнему. Так они прожили в Ялutorовске до амнистии вместе с другими тобольскими поселенцами.

Через несколько лет после женитьбы Оболенского у Пушкина, от одной из ялutorовских обывательниц, родился сын Иван. Мать этого ребенка — вдова — требовала от Пушкина, чтобы он на ней женился. Пушкин соглашался исполнить ее желание, но, как рассказывает в своих воспоминаниях близко знавшая Пушкина воспитанница М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Сазонович, — с твердым намерением тотчас же после венчания пустить себе пудю в лоб. Молодая женщина, дорожа его жизнью и спокойствием, предпочла немедленно уехать из Ялutorовска на свою родину в Восточную Сибирь, а сына Пушкин взял к себе. Как рассказывает Сазонович, после отъезда этой женщины Пушкин по собственному почину собрал своих товарищей и откровенно исповедался перед ними, душою страдая за свой поступок, извинительный для них и неизвинительный в его собственных глазах никакою «женскою назойливостью». Вообще, Пушкин ценил в женщине привлекательность на ряду с хорошими манерами: «красавица без отпечатка хорошего общества, — говорит А. П. Сазонович, — теряла в его глазах всякую прелесть». И сам он писал Энгельгардту с иронией про мужиковатую жену

В. К. Кюхельбекера, способную отвлечь его самого от мысли о женитьбе.

Такой взгляд Пушкина на совместную открытую жизнь с простой женщиной — матерью его детей — иногда объяснялся желанием его не огорчать своих родных. Известно, что Пушкину приходилось переживать неприятности из-за недружелюбного отношения его сестер к его детям. Так, например, сибирский приятель декабристов Я. Д. Казимирский, навещавший Пушкина в России после амнистии, писал Оболенскому после смерти Пушкина: «Вы знаете, что его тиранили его сестры. Как не хотели признать его детей и пр. Эти сердечные неудовольствия сломали этот сильный организм и убили нашего И. И.». С. П. Трубецкой писал в 1860 г. Оболенскому же из Киева: «Велик для моего сердца недочет в Пушкине, что за теплая душа в этом человеке. Наш святой долг позаботиться о его сиротках, тем более что, как кажется, они отрезанные ломти от его близких семейных». Однако сумел же Оболенский, происходивший из более аристократической семьи, противостоять натиску своих ялutorовских друзей и женился на необразованной вольноотпущенной. Сам Пушкин тоже проявил большую твердость характера, когда, вопреки слезным мольбам сестер, отказался от блестящей карьеры в гвардии для осуществления своих заветных демократических убеждений.

А. П. Сазонович рассказывает, что женщины преследовали Пушкина своей любовью: «Он очень нравился женщинам, и многие из них преследовали его своею любовью и брачными предложениями... Старые и молодые вдовушки были существенным несчастьем в жизни Ив. Ив., так как они смело и назойливо шли на приступ, устраняя в крайнем случае не только необходимость брака, но и необходимость взаимных чувств. Подобные атаки не всякому стойко могли быть под силу, тем менее Пушкину, имевшему слабость к женщинам». Об отношении Пушкина к жене декабриста М. Н. Волконской я говорю в примечании к письму его от 5 октября 1834 года.

★

Сибирская жизнь декабристов ознаменовалась благотворным влиянием на просвещение и культуру края. Личным своим присутствием, строем своей жизни декабристы знакомили бедное и малочисленное сибирское общество с европейской культурой. Выстроенные ими дома с обстановкой, присланной из России, после отъезда декабристов в другие пункты поселения или на родину, служили для местных общественных и просветительских нужд. Особенно много сделал декабристы для распространения грамоты среди сибирского населения — устройством школ, частным обучением у себя на дому, предвзвешенной местной инициативы в этом отношении. Велика была их роль и на увеличение

местными жителями научно-практических приемов земледелия и других видов сельского хозяйства. Якушкин и Пущин были, например, пионерами ознакомления сибиряков с метеорологией. Оба они много поработали в учрежденных Якушкиным школах для ялutorовских мальчиков и девочек. Память о Пущине была жива в Ялutorовске еще в конце 70-х годов, и тогдашние ссыльные из политических слышали о нем отзывы, согреты нежной любовью и благодарной признательностью.

Кончилось царствование Николая Павловича. Первым узнал об этом в Ялutorовске И. И. Пущин. Сердца декабристов и других политических ссыльных забили надеждой на возвращение в Россию. Радостно забили они не только за себя лично, не за свою только свободу. Пущин ждал свободы для родины, для дорогого его сердцу и мечтам народа, косневшего в рабстве и невежестве. Как большинство его товарищей, И. И. Пущин — через долгие годы каторжных работ в Чите и Петровском заводе, через десятилетия печальной ссылки в Сибири — пронес неохладившими свои пылкие чувства любви к свободе общественной, сохранил нетронутыми и неизменными политические верования и убеждения своей молодости. Декабристов, по словам одного из них, поддерживали в это ужасное время «мечты о свободе, величии и счастья отечества, о золотом времени народных собраний, где царствует пламенная любовь к отечеству, о свободе, никем и ничем не ограниченной, кроме закона о полном благосостоянии народа».

Еще в 40-х годах писал Пущин Энгельгардту, с обидой за Россию, что в Сибири нет крепостных, и желал для изобилующей природными богатствами страны этой части Сев.-американских соединенных штатов. А в тяжелую годину Севастополя душа его особенно болела за Россию, униженную, опозоренную и бесталанную в вождях своих. В далекой Сибири отверженные сыны России скорбели крымскими страданиями ее, а победители 1825 года вводили реформы в обмундировании армии, и это приводило Пущина в патриотический ужас. «Мундиры бесят меня, — писал он брату, — как-то совестно читать о пуговидах в эту минуту». В другом письме читаем: «Только одна вера в судьбы России может поспорить с теперешней тяжелой думою, исхода покамест не вижу». Но эта вера в судьбы родины обуславливается убеждением в том, что она возродится только при политической свободе: «Согласитесь, — пишет Пущин брату, — что пока дело общее — *res publica* — будет достоянием немногих, до тех пор ничего не будет; доказательство — нынешние обстоятельства». «Просто тоска... Современные дела невероятно тягостят — как-то не видишь деятеля при громадных усилиях народа».

Тем временем некоторым декабристам уже разрешалось выехать из Сибири — пока в связи с особыми личными или семейными обстоятельствами, но это усиливало надежду осталь-

ных на собственное освобождение. Радостно принял Пущин весть об освобождении его друзей Бобрищевых-Пушкиных: и за них, и за себя. А когда в марте стали отбирать у декабристов сведения об их семейном положении, что явно было связано с предстоящим освобождением, Пущин негодовал на оттяжки: «По моему мнению, нечего бы спрашивать, если думают вернуть допотопных... все-таки видно, что чего-то хотят, хоть не очень нетерпеливо».

Наконец, он получил свободу, на общем основании со всеми декабристами, по манифесту 26 августа 1856 года.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Иван Пущин сохранил свои верования, свои убеждения до последней минуты.

Декабрист Н. Р. Цебриков.

Амнистированным декабристам разрешили жить только в провинции. Въезд в столицы был Пущину запрещен, но жившая в Царском Селе престарелая сестра его, Е. И. Набокова, старшая в семье после смерти родителей, испросила разрешение на приезд брата в Петербург на три дня. В ноябре было получено это разрешение, а в 20 числах декабря 1856 года Пущин, задержавшийся по разным причинам в Сибири, был уже в Петербурге. С волнением переступал он порог Царскосельского дворца, где провел с Пушкиным целых шесть лет, и с нежною радостью рассказывал молодой своей спутнице, дочери известной А. О. Смирновой, о школьных годах великого поэта. По истечении первоначального срока Пущин получил отсрочку еще на 10 дней, а затем ряд других — для лечения. В Петербурге он пробыл до мая 1857 года и выехал в Москву. По пути из Петербурга в Москву Пущин остановился близ Бологого, в имении лицейста Д. А. Эристовой, где состоялось его венчание с Н. Д. Фонвизиной. Прощаясь с родными в Петербурге, Пущин не говорил им о предстоящем своем браке, и ему пришлось потом оправдываться в скрытности перед братом и сестрами ссылкой на то, что тайна эта не ему одному принадлежала.

Если Пущин сумел противопоставить «женской назойливости» сибирских вдовушек твердость своего аристократизма и угрозой самоубийства сумел избежать брака даже с матерью его детей, то не устоял он перед неотразимой влюбленностью экзальтированной вдовы своего товарища по ссылке, Нат. Дм. Фонвизиной. Н. Д. Фонвизина, урожденная Апухтина (родилась в 1805 году), была женщиной высшей экзальтированности, душевной и сердечной. В ранней молодости блестящая красавица, в которую все влюблялись, она едва не постриглась в монахини, всю жизнь была чрезвычайно религиозна и очень начитана в богословской

литературе, так что успешно вела религиозно-философские диспуты с архиереями. Выданная замуж, по семейно-финансовым расчетам, девушкой-подростком за образованного, старшего ее более чем вдвое ген. М. А. Фонвизина, она выполнению семейного долга отдалась со страстью. Когда вскоре муж-декабрист был заключен в Петропавловскую крепость, 20-летняя Фонвизина сразу проявила воспетый впоследствии Некрасовым героизм жен декабристов. Неимоверными усилиями ей удалось проникать в крепость и облегчать положение мужа.

Свою верность мужу Н. Д. возвела в догмат. Позднее она говорила, что с нее Пушкин писал свою Татьяну. Одной из первых последовала она в Сибирь, оторвав от себя с кровью сердца двух трепетно любимых детей. В ссылке кипучая, вечно подвижная Фонвизина была неутомима в борьбе с начальством, стремившимся стеснять декабристов и особенно их жен, вообще вела борьбу с злоупотреблениями, вмешивалась в церковно-официальную жизнь, постоянно разъезжала по местам расселения декабристов для ободрения их и для объединения.

С Пушкиным у нее возникли особенно дружеские отношения с первых лет сибирской жизни, и она пользовалась всяким случаем видаться с ним. Привлекали Фонвизину поэтический склад души Пушкина, его философская созерцательность, сердечная доброта и умиленность. Она сумела даже простить ему скептицизм и насмешки над церковной религиозностью, хотя старалась навести Пушкина на путь истины. Это было бесполезно, так как М. С. Лукин правильно назвал Пушкина «хорошим язычником».

Биограф Н. Д. Фонвизиной В. И. Шенрок, имевший в своем распоряжении переписку ее с Пушкиным, говорит, что любовь ее к Пушкину носила характер особый. «В самом пылу любовной горячности к Пушкину, — говорит Шенрок, — она едва устояла против чувственного искушения, в котором не только покаялась, но даже с самым подробным и искусным психологическим анализом изобразила сладострастную негу... Она прямо признавалась, что для усмирения бунтующей плоти и в посрамление себя в самые страшные минуты соблазна ставила перед собой портреты Пушкина и Бобрищева-Пушкина, чтобы эти изображения ее пристыдили и удержали от греха. «Кроме того, что стыдно, — говорила она, — я рискую потерять твою привязанность, рискую возмутить тебя подробностями». После таких признаний не диво в переписке Нат. Дм. встретить воспоминания о неудовлетворенности первым замужеством, потому что хотя М. А. и был ангел, но не подходил к ее бурному темпераменту...»

После смерти мужа Фонвизина могла без укоров для чуткой своей совести переписываться с Пушкиным. В письмах к нему она исповедывала свои заветные чувства и помышления и с таким страстным нетерпением ждала его ответов, что окружающие по охватывавшему ее волнению узнавали, когда среди поданной почты было письмо от Пушкина.

Черты экзальтированности Н. Д. Фонвизиной отражаются в письмах ее к Пушкину, в которых много аллегорических намеков и волнующих недосказанностей. Она пишет, например, о прежней поре своей жизни, которую «считала опорой», что по отсутствию поэзии эту эпоху следовало бы «назвать комедией», потому что «даже в подробности найдется много пошлого и смешного, мое положение было жалкое и мучительное, но самые мучительные страхи были подобны преуморительным сценам и выходкам». В другом письме Н. Д. напоминает Пушкину: «В последнее время вы слишком любовались на меня, и с моей стороны было бы низко оставлять вас в таком приятном заблуждении на мой счет». «Ваше благодетельное участие, — пишет она в ответ на признание Пушкина в симпатии к ней, — зашевелило регивое; я сквозь слезы взглянула на божий свет и увидела, что и для меня светит солнышко».

Называя себя в письмах Таней, 13-летней глупой и застенчивой девочкой, а Пушкина — Назарием, рассудительным юношей, переходящим в мужской возраст, — Н. Д. писала ему: «Зачем бедная Таня сделала на вас такое сильное впечатление? Не берусь решить, ладно это или нет. Мне грустно, если я могу повредить вам, если моя буря душевная отозвалась такою же бурей в вашей душе. Несчастное существо! Неужели мне суждено везде опалать, куда ни прикоснется мое огненное сердце?»

«Вижу, вижу: молодая жизнь опять забила живым ключом в горячем сердце, где до того водворилось было более спокойное и более серьезное чувство. Юноша начал засыпать... поэзия юности мало-по-малу облеклась в житейскую прозу... Вот в каком положении застала вас исповедь чародейки Тани и, как ведьма или оборотень, умела она из старой бабы явиться молоденькой девочкой, пропела русалкой какую-то дивную песню, потом с воплем отчаянья бросалась она, минуя серьезного, насмешливого рара Poustchine к давно знакомому юноше и с неудержимой откровенностью 13-летней девочки, не давши бедному человеку опомниться от усыпления, начала без связи, без смысла и разбора рассказывать беду свою...»

50-летняя Фонвизина боится насмешливой рассудительности 57-летнего Пушкина и просит его скрыть ее письма от рара Poustchine, потому что «из всех элементов письма один сладкий пирог испечь можно, а рара любит трапезу посушественнее». «Не бойся встретить Назария (т. е. проявить любовное увлечение юноши): перед тобой твоя бедная Таня, падшая перь, любящая, немощная женщина». «Не хочу я твоей теплой дружбы, — возбуждает она чувство Пушкина, — она остынет от осенних ветров, — дай мне любви, горячей любви, огненной, юношеской, и Таня не останется в долгу у тебя: она заискрится, засверкает пред тобой и засветится этим ярким огнем».

«Все или ничего — был девиз мой с младенчества» — пишет она Пушкину. И Пушкин, еще в 1837 году с тихой грустью

писавший Энгельгардту, что мысль его никогда не останавливалась на возможности супружества, ибо человек, «избравший путь довольно трудный, должен рассуждать не одним сердцем»; еще в 40-х годах писавший Фонвизиной по поводу ее стараний женить его на одной из общей знакомой, что он не думает «стать на очередь запоздавших женихов», что он «один раз в жизни думал жениться, но это не удалось — и дело кончено»; отвергавший настойчивость матерей его детей — Пущин решил жениться.

Н. Д. Фонвизина писала друзьям, что «Иван Иванович венчался в среду утром молодцом, весь день был весел». Но только сама она, несмотря на 52 года, была еще, действительно, молодцом, Пущин же мог быть молодцом в редкие моменты особого возбуждения. Сама Нат. Дм. отметила в одном письме, что здоровье Пушина было «плохо, все же лучше, что есть кому за ним походить». Сам Пущин в письмах к родным уверяет, что очень рад женигбе, не только с точки зрения семейных удобств, но и удовлетворенного сердечного влечения. Н. Д. в приписках к письмам Пушина говорит о своих родственных чувствах к семье мужа с настойчивостью, заставляющей подозревать, что отношение родных Пушина к его жене не разнилось от отношения их к его детям, охарактеризованного Казимирским, как тирания.

Из Бологого Пущин отправился в Москву, где его восторженно приняли все старые друзья и где ему пришлось вспомнить время гонений вследствие придирок ко всем декабристам генерал-губернатора А. А. Закревского. Поселился он в имении жены, в селе Марьине, Бронницкого уезда, Московской губернии, в 50 верстах от Москвы.

Как ни требовала подвижная и общительная натура Пушина разъездов, как ни рвался он душою повидать всех своих знакомых «допотопного» периода, нажитые в каторге и ссылке болезни держали его в Марьине, большою частью, в постели. Иногда выезжал он к жившим близ Москвы друзьям и товарищам по ссылке — Оболенскому, Нарышкину, Свистунову, да в Москву — к сыну, учившемуся в пансионе. Один раз, летом 1858 г., поехал он в Нижний — к дочери.

И в пути за ним следило недреманное око Третьего отделения. Еще в 1857 году Пущин пытался получить разрешение на выезд за границу — для лечения, — и брат Михаил ждал его в Карлсбаде. Но разрешение не было дано, и Пущину, как некогда Пушкину, пришлось только вздыхать по Европе с ее конституционными гарантиями и уважением к правам человеческой личности. До самой могилы преследовала его пощеительная заботливость начальства, и каждый шаг Пушина отмечался донесением в Третье отделение, вплоть до последнего его шага — к месту вечного упокоения и от забот по Маремьянству, и от политических страстей, и от всех других тревожений многообразной и так любимой им жизни. Заключительным было донесение

московского губернатора Третьему отделению от 10 апреля 1859 года: «Бронницкий исправник донес мне, что проживавший во вверенном ему уезде, находившийся под надзором полиции, возвращенный из Сибири дворянин Иван Иванов Пущин 3 числа сего апреля умер». Похоронен Пущин в Бронницах, близ собора, рядом с могилой М. А. Фонвизина. На могиле И. И. — памятник с фигурой ангела и с надписью: «Блажени милостивии, яко тии помилованы будут».

Умер Пущин 61 года от роду, сохранив до конца дней своих ясность ума и верность политическим убеждениям, возвышенные свойства нежной души и чуткого, любящего сердца. В ряду других вождей тайного общества Пущин занимает особое место. Он не был таким крупным политическим деятелем, как Пестель, пылким и красноречивым республиканцем-заговорщиком, как Рылеев, фанатичным революционером-метителем, как Каховский. Верный всю жизнь конституционным идеям, он всю жизнь отличался душевной многогранностью, роднившей его с Пушкиным, и обществено-политическое служение не заслоняло от него всех влечений яркой и радужно-блестящей молодости. Сам Пущин считал основной чертой своего характера жизнерадостный и творческий оптимизм. Уже в поселении, из Туринска, писал он Энгельгардту: «Мною овладела какая-то мрачность; я ужасно не люблю этого состояния, тем более, что оно совершенно мне несвойственно и набрасывает неприятную тень на все окружающие предметы. Надеюсь, что это временный туман, он должен рассеяться, иначе — тоска...»

Руководители тайного общества высоко ценили участие в их деятельности Пушина ввиду его кристальной честности и высокой моральной чистоты его. Они смотрели снисходительно на недостаточную революционность Пушина, на его тяготение к светской жизни и эпикурейские навыки. И. И. Горбачевский, один из руководителей Южного, самого революционного, общества, оставил любопытную характеристику Пушина, как человека, не подходящего под обычное представление о заговорщике: «Прочти со вниманием об их воспитании в Лицее, — пишет он М. А. Бестужеву по поводу записок Пушина о Пушкине, — разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы, патриоты? Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, те унижения, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели? Ты скажешь, а Пущин Ив. Ив. разве худой человек? Я скорее скажу, чудо-человек, что хочешь, так он хорош. Но я тебя спрошу, республиканец ли он, или нет? Заговорщик он, или нет? Способен ли он кверху дном все перевернуть: нет и нет, — ему подавай революции, деланные чтобы на розовой воде: они все хотели все сделать переговорами, чтобы сенат к ним вышел и, поклонившись, спросил, что вам угодно? Все к вашим услугам».

Недостаточная революционность Пущина, как заговорщика, вытекавшая из свойств его мягкой, любящей души, возмещалась в отношении к задачам тайного общества глубокою преданностью правильно понимаемому долгу политического деятеля, преданностью, переходившею в героизм и совмещавшеюся с постоянною жизнерадостностью. Декабрист А. Е. Розен рассказывает, что 14 декабря 1825 года на Сенатской площади «всех бодрее в карре стоял И. И. Пущин; хотя он, как отставной, был не в военной одежде, но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость». Когда же Розен спросил, где можно найти диктатора Трубецкого, Пущин сказал: «Пропал или спрятался; если можно, то достань его помощи, в противном случае и без тебя тут довольно жертв».

При объявлении 13 июля 1826 года приговора декабристам Пущин единственный выступил с протестом против расправы с ними их политических противников, а за несколько минут до того он своими шутками и остротами заставлял хохотать весь собравшийся около него кружок обреченных. О постоянной веселости Пущина в кругу декабристов говорит в своих показаниях и В. П. Зубков, московский приятель Пущина. Все привлеченные к делу 44 декабря говорят о доброте Пущина, о его постоянной готовности помогать нуждающимся, о стремлении улучшить положение крестьян. Товарищи любили Пущина в меру собственной его любви. Когда его однажды вели на допрос, сквозь конвой, с риском для собственной жизни, пробрался офицер С. П. Галахов и бросился обнимать и целовать Пущина.

И в Сибири он был такой же — полный жизни, отражающий ее во всех ее проявлениях, откликающийся на все ее требования, жадно впитывающий все ее впечатления. Радостно отмечает он в 1848 году в связи с тогдашними революционными событиями в Европе, что «необыкновенно любопытное настает время». Хорошо знавший Пущина декабрист Н. В. Басаргин говорит про него: «Пущин был общим нашим любимцем, и не только нас, своих друзей и приятелей, но и всех тех, кто знал его хоть сколько-нибудь. Его открытый характер, его готовность оказать услугу и быть полезным всякому, его прямоту, честность, в высшей степени бескорыстие высоко ставили его в нравственном отношении, а красивая наружность, особенный приятный способ объясняться, умение кстати безвредно пошутить и хорошее образование увлекательно действовали на всех».

Рылеев кратко выразил чувства всех знавших Пущина: «Кто любит Пущина, тот непременно сам редкий человек».

С. Штрайх

